

Мистер Уайлдер и я

Автор:

Джонатан Коу

Мистер Уайлдер и я

Джонатан Коу

Лет семь назад, одним зимним утром, я оказалась на эскалаторе. На одном из тех, что поднимают тебя из подземки со станции “Грин-парк” к выходу на Пикадилли. Если вам случилось ступить на эти эскалаторы, вы наверняка помните, до чего же они длинные. От низа до верха едешь около минуты, но с моей врожденной нетерпеливостью стоять, не шевелясь, целую минуту – это чересчур. Тем утром спешить мне особо было некуда, и, однако, я зашагала вверх мимо неподвижных пассажиров, выстроившихся по правую сторону. Поднималась и твердила про себя: “Пусть мне и под шестьдесят, но я еще не старая развалина, я в отличной форме, крепка и бодрa” – пока, одолев три четверти подъема, не обнаружила, что мне перекрыли проход. Справа стояла молодая мать, а слева – ее дочка лет семи-восьми, державшая маму за руку.

Джонатан Коу

Мистер Уайлдер и я

© Елена Полецкая, перевод, 2022

© Андрей Бондаренко, оформление, 2022

© “Фантом Пресс”, издание, 2022

* * *

Джонатан Коу. О Билли Уайлдере и своем романе

С фильмами Билли Уайлдера я познакомился в конце 1970-х, когда я был ещё подростком. Однако первый его фильм, который я посмотрел (по телевизору), не принадлежал к общепризнанным шедеврам Уайлдера – таким как “Двойная страховка”, “Бульвар Сансет” или “В джазе только девушки” – нет, я смотрел “Частную жизнь Шерлока Холмса”, оригинальную трактовку личной жизни великого детектива, с треском провалившуюся в прокате и дружно обруганную в кинопрессе.

Где-то я уже рассказывал о том, как моя любовь к этому фильму переросла в полноценную Obsession. Разумеется, я начал смотреть все остальные фильмы Уайлдера, а также постарался узнать как можно больше о его жизни: о юности и годах взросления в Вене и Берлине, о побеге из нацистской Германии в 1933 г., о его работе в Голливуде сперва сценаристом, затем режиссером. Уайлдер меня завораживал и особенно своим выверенным, мастеровитым подходом к созданию киносценариев, непогрешимой стройностью сюжетов, изящной отточенностью повествования. До наступления эры видеомагнитофонов я записывал его фильмы с телевизора на аудиокассету и слушал их по ночам, лежа в постели, погружаясь в ритмы диалогов. На мое становление как писателя Уайлдер повлиял куда мощнее, чем любой другой прозаик.

Словом, мне давно хотелось написать книгу о Билли Уайлдере. Но несколько добротных биографий уже существует. А кроме того, когда я работал над “Разъяренным слоном”, биографией Б. С. Джонсона, писателя-авангардиста, поэта и литературного критика, мне не раз приходила в голову мысль, что лучше бы я сочинил роман об этом выдающемся человеке. В романе я смог бы подобраться к нему поближе и, возможно даже, написал бы нечто более правдивое. В итоге я пришел к выводу, что книга об Уайлдере должна быть романом, хотя и основанным на реальных событиях.

Реальным событием, на котором я предпочел сосредоточиться, стали съемки “Федоры”, предпоследнего фильма Уайлдера, одного из тех, которые мало кто видел, и одного из наиболее загадочных его фильмов. Я понимал, что и для

самого Уайлдера, и для его соавтора Ици Даймонда (еще одна весьма важная фигура в моей книге) работа над “Федорой” оказалась сущим мучением. Но, поскольку грустный роман о неудачах и разочарованиях меня не устраивал, я решил, что читатель увидит происходящее глазами персонажа, целиком вымышленного, – юной гречанки по имени Калиста, нанятой переводчицей на съемки “Федоры”, наивной романтической девушки, исполненной оптимизма, и мир голливудского кинематографа, куда она случайно угодила, представляется ей чудом из чудес.

Я намеревался написать роман о природе творчества, и как эта природа меняется с возрастом. О сходстве и различиях Америки и Европы. О любви двух коллег – первоклассных кинематографистов (Уайлдера и Даймонда), ведь во многих отношениях они ближе друг к другу, чем к своим женам. О наиболее острых формах личных бед, о том, как вы справляетесь с ними и как они отражаются в вашей профессиональной деятельности. И самое главное, я надеюсь, что этот роман пробудит в читателях желание заново пересмотреть фильмы Билли Уайлдера.

Посвящается Нилу Синьярду

Лондон

Лет семь назад, одним зимним утром, я оказалась на эскалаторе. На одном из тех, что поднимают тебя из подземки со станции “Грин-парк” к выходу на Пикадилли. Если вам случалось ступать на эти эскалаторы, вы наверняка помните, до чего же они длинные. От низа до верха едешь около минуты, но с моей врожденной нетерпеливостью стоять, не шевелясь, целую минуту – это чересчур. Тем утром спешить мне особо было некуда, и, однако, я зашагала вверх мимо неподвижных пассажиров, выстроившихся по правую сторону. Поднималась и твердила про себя: “Пусть мне и под шестьдесят, но я еще не старая развалина, я в отличной форме, крепка и бодра” – пока, одолев три четверти подъема, не обнаружила, что мне перекрыли проход. Справа стояла молодая мать, а слева – ее дочка лет семи-восьми, державшая маму за руку. На светловолосой девчужке был красный дождевик с капюшоном, что придавало ей

некоторое сходство с маленькой девочкой, утонувшей в самом начале фильма “А теперь не смотри”[1 - Фильм (1973) британского режиссера Николаса Роуга с Доналдом Сазерлендом и Джули Кристи в главных ролях, классика кинематографа. – Здесь и далее примеч. перев.]. (Все кругом напоминает мне о кино, ничего с этим не могу поделать.) Мимо этой пары было не протиснуться, да и в любом случае не хотелось портить столь трогательный момент единения матери и ребенка. Я дождалась, пока они доедут до верхушки эскалатора, и вдруг увидела, как девочка изготавливается к прыжку. Даже от спины ее веяло азартом, а глаза, надо полагать, были прикованы к движущейся дорожке, пока девочка сосредоточивалась, направляя энергию в лодыжки и прочую мускулатуру; наконец в подходящий момент она лихо, рывком прыгнула вперед и благополучно приземлилась на terra firma, твердой почве, а поскольку удавшийся маневр наверняка преисполнил ее счастьем и восторгом, девчушка дважды скакнула на одной ножке, не отпуская руки матери и вынуждая ту ускорить шаг. Кажется, от этих последних подскоков, более чем от чего-либо другого, у меня защемило сердце и перехватило дыхание; растроганная и взволнованная, смотрела я вслед матери и дочери, направлявшимся к турникету. И тут же подумала о моих собственных дочерях, Франческе и Ариане, уже далеко не девочках, но в возрасте семи-восьми лет гулять просто так им порою было недостаточно – должно быть, это казалось им слишком рутинным, а следовательно, скучным, мешающим проявить во всей полноте их упоение движением и жадный интерес к окружающему миру, поэтому они столь же внезапно принимались прыгать и скакать, увлекая меня за собой, ведь обеих я держала за руку, первую с одной стороны, вторую – с другой. А иногда я тоже подпрыгивала, чтобы не отстать от них и заодно дать понять: я до сих пор способна разделить с ними радость бытия, еще не выкачанную из меня до капли моим средним возрастом.

Все эти воспоминания то вспыхивали, то затуманивались в моей голове, пока я смотрела в спины матери и дочери, а затем выпали в горький осадок – в смутное, но сокрушительное чувство утраты и печали, и это чувство придавило меня, придушило и заставило выйти из неиссякаемого пассажирского потока, чтобы отдышаться и не отнимать ладонь от груди до тех пор, пока я не ощутила себя готовой вновь влиться в людской поток, вернуться в жизнь твердой поступью, приложить карту к турникету и с высоко поднятой головой выйти на Пикадилли белесым поздним утром.

По Пикадилли я шла очень медленно, размышляя об увиденном в подземке и моей реакции. Завтра Ариана, старшая из моих двойняшек (на целых сорок пять минут), уедет из родного дома, улетит на другую сторону света. В Хитроу отвезу

ее я, помашу на прощанье у входа в зал вылета, притворяясь, будто не испытываю ни малейших опасений, только воодушевление при мысли о грандиозных возможностях, что открываются Ариане в Сиднее. А затем мы с мужем останемся наедине с Фран, с проблемой Фран, с Фран, которая в последние несколько недель внезапно и стремительно из нашего дитя превратилась в проблему – да такую, что ошарашила нас с мужем обоих, и в обозримом будущем нам вряд ли удастся опомниться, во всяком случае, не раньше, чем отыщем тропу, которая вывела бы нас из трясины, сотворенной дочерью, на безопасное место. Но пока эта тропа даже не просматривалась.

На Пикадилли я приехала не от нечего делать, но с определенной целью: купить Ариане подарок на память. В универмаге “Фортнум” я почти сразу нашла то, что искала, – чай. Ариана всегда с удовольствием пьет чай – для нее это вкус дома, – а я всегда с удовольствием завариваю ей свежую порцию. Купив упаковку с шестью разными сортами и серебряным чайником и ситечком в придачу, я попробовала вообразить, как в безликой комнате студенческого общежития в Сиднее Ариана наливает чай в кружку с британским флагом, отхлебывает, и первый же глоток переносит ее на нашу кухню: она сидит, уперев локти в старую сосновую столешницу, а ее волосы искрятся под лучами заходящего солнца, что пробиваются сквозь ветви яблони в нашем зимнем саду.

Надеюсь, вдали от дома чай ее утешит. Либо (что, надеюсь, вероятнее и даже лучше) утешения ей не понадобятся.

Год был 2013-й, первая неделя января, то беспорядочное межеумочное время, когда рождественские празднества уже позади, но жизнь пока не вернулась к норме. Испытывая необходимость в чем-то привычном, обыденном, я решила выпить кофе в баре Британской академии кино и ТВ. Возможно, я встречу там знакомых. Мне не повредило бы поболтать с кем-нибудь, посплетничать и обменяться любезностями.

Бар был почти пуст, так давала о себе знать построжественская усталость. Из знакомых нашелся только один – мужчина, сидевший в одиночестве за столиком на двоих у витрин с киноафишами, смотревшими на улицу. Марк Эрроусмит. Не самая подходящая кандидатура для непринужденной беседы о том о сем. Но, как известно, нищие не выбирают. Марк так Марк. Подойдя к его столику, я выждала, пока он оторвется от своего макбука.

– Калиста, – произнес он, – дорогая! Какой приятный сюрприз.

– Можно к вам присоединиться?

– Разумеется.

Он закрыл компьютер, сгреб бумаги, освобождая место для моего капучино, купленного в баре.

– Простите за то, что захламыл столик, – сказал он. – Меня наконец пригласили на встречу с “Фильм 4” на следующей неделе. Они хотят взглянуть на бюджет, что не может не предполагать серьезных намерений с их стороны. – Подровняв последнюю стопку бумаг, он упрятал всю кипу в пластиковую папку.

Марку давно перевалило за шестьдесят. Стройной фигурой он похвастаться никогда не мог и, однако, чем-то походил на Берта Ланкастера в картине “Местный герой”[2 - Фильм (1983, реж. Билл Форсайт) занимает 37-ю строчку в Топ-100 британских фильмов. Берт Ланкастер сыграл роль невротического главы нефтяной компании.]. (Говорю же, мне кто и что угодно вокруг напоминает о кино.) Некогда у него был вдохновенный взгляд – еще лет десять назад, – но постепенно блеск его глаз померк от затянувшегося невезения. Последние лет двадцать пять, а то и больше, Марк носился с одним и тем же проектом. В конце 1980-х он обзавелся опционом на роман Кингсли Эмиса, по тем временам автора достаточно востребованного, и посему затея Марка выглядела вполне реалистичной. Он легко заручился согласием именитого режиссера, а также трех-четырех доходных актеров, любимцев публики. Но по какой-то причине финальный денежный транш отменили в последнюю минуту, и режиссер сразу стал недоступен, затем двое из актеров стали недоступны, а внешность одного из оставшихся медленно, но верно утрачивала доходность, и не успел Марк осознать, что происходит, как проект начал распространять запах гнили, ощущаемый всеми, кроме самого Марка. На его режиссерском счету значилась пара довольно успешных постановок – художественный фильм и мини-сериал, снятый для Би-би-си-2, повторного показа, впрочем, не удостоившийся, – но с тех пор Марк не сделал ничего, а поиск средств на воскрешение к жизни заведомо провальной экранизации Кингсли Эмиса превратился в навязчивую идею. Марк сделался завсегдатаем Киноакадемии, каждый день сидел за столиком на двоих со своим макбуком в ожидании встречи с тем, кто, может, прочел (а может, и нет) пятнадцатый вариант сценария и кто, по слухам, знаком с тем, кто знаком с кем-то из сотрудников некоего хедж-фонда, где к концу налогового года завалились деньжата, которые необходимо куда-то пристроить, так почему бы

не вложить их в создание фильма по не слишком выдающемуся роману, написанному человеком давно подзабытым и чье имя настолько не на слуху, что с тем же успехом можно предлагать к экранизации “Желтые страницы”. Однако Марк упорно не желал сдаваться; с годами усы его поседели, и дымка с красными прожилками горечи заволочла глаза.

Тем не менее дом на юге Франции остался при нем, двое его детей от второго брака учились в частных школах, и никто понятия не имел, откуда он берет деньги. Но поскольку я нередко сталкивалась с подобным положением дел среди британцев, вывод напрашивался сам собой: Марк попросту живет на старые деньги, те, что его семья копила из поколения в поколение, виртуозно припрятывая от государства. Это соображение уберегло меня от чрезмерной жалости к Марку. А кроме того, я ни на секунду не забывала, что за последние лет десять я тоже не сделала ничего существенного, так что не мне было его жалеть.

– Вы много работаете? – задал Марк вопрос в лоб, хотя я бы предпочла более витиеватую формулировку.

– Не особо, – призналась я. – Видели?.. – Я назвала британский фильм, снискавший скромный успех в кинотеатрах несколькими месяцами ранее.

– Видел, – ответил Марк. – Так это были вы? А я думал... – Он назвал имя молодого британского композитора, сочинявшего для кино и фонотек, и известность его росла.

– Кое-что сделал он. Я была лишь аранжировщиком, теоретически. Помните проигрыш на маримбе, он звучал всякий раз, когда они ехали в машине? – Я напела мелодию.

– Конечно, – ответил Марк. – Он был там главным. Все только это и запомнили.

– Так вот, это мое.

– И однако на “Оскара” номинировали его, – покачал головой Марк, разочарованный, и далеко не впервые, тем, как устроен мир. – Вы невероятно талантливы, Калли. Напишете музыку для моего фильма? Соглашайтесь. Мне нужны вы и никто другой.

Разумеется, я согласилась, но всерьез предложение не рассматривала. Точно так же я отреагировала бы, предложи Марк выплатить мою ипотеку, когда он выиграет в лотерею. Хотя с его стороны было очень мило предложить мне сотрудничество, и он не лукавил, и не его вина, что всю ту малость, что осталась от его профессиональной жизни, он проведет, продвигая обреченный проект.

– Знаете, я заинтересовал командора Джуди[З - Имеется в виду выдающаяся британская актриса Джуди Денч, удостоенная ордена Британской империи, вручаемого за гражданские заслуги и соответствующего титулу Дамы-Командора.], – сказал Марк, словно прочтя мои мысли и решив доказать, что он вовсе не рехнувшийся старикан с бредовыми идеями.

– Я думала, она уже в команде. – Мне вспомнился разговор на эту тему, состоявшийся десятки лет назад.

– Была, а потом выбыла, но теперь она опять в деле, – объяснил Марк. – Правда, теперь она сыграет бабушку, а не мать.

“Кто бы сомневался”, – подумала я. В голове Марка актерский состав фильма оставался почти без изменений, разве что актеры перемещались в следующее поколение. Если фильм когда-нибудь снимут, то молодой красавец, назначенный на главную роль, закончит тем, что сыграет дедулю, разъезжая в инвалидной коляске по съемочной площадке.

– И между прочим, – сказала я с некоторым вызовом, поскольку не хотелось, чтобы он думал, будто я день и ночь сижу дома, грызя ногти в ожидании телефонного звонка из киностудии (пусть даже так оно и было на самом деле), – я сейчас пишу музыку для себя.

– Концертную музыку? – спросил Марк с интересом.

– Вроде того. К кино эта музыка имеет отношение, но для фильма не предназначена. Небольшая сюита для камерного оркестра. Я собираюсь назвать ее “Билли”. – И добавила в ответ на его вопросительный взгляд: – Так звали Уайлдера.

– Замечательная идея. Я и не знал, что вы его поклонница.

- Обожаю его фильмы. А кто нет?

- Ну конечно. Ведь, если подумать, один шедевр за другим. Уму непостижимо, честное слово. То есть как ему удавалось такое в этой индустрии? “Двойная страховка” – шедевр. “Бульвар Сансет” – шедевр. Он выдавал их один за другим, без передышки. “В джазе только девушки”, “Квартира”...

- А что было потом? – спросила я в возникшей паузе.

- Запомнил... – Марк нахмурил лоб. – Потом он еще много фильмов снял?

- Немало. Около десятка.

- Что-то о Шерлоке Холмсе? – старательно припоминал Марк.

- Неужели вы не смотрели “Федору”? – подсказала я.

Марк покачал головой:

- Кажется, нет. А если и смотрел, то забыл.

- Зато я помню, и очень хорошо, потому что я была там, на съемках.

- Правда? – Марк вытаращил глаза. И снова нахмурил лоб, бормоча: – “Федора, Федора”... о чем это?

Боюсь, я не устояла перед искушением:

- О многом и разном. Но, пожалуй, главным образом... главным образом о стареющем кинематографисте, который пытается снять фильм, безнадежно устаревший задолго до выхода на экран.

Думаю, эта фраза положила конец нашей беседе. Почти сразу после этого Марк собрал свои вещички и ушел. Глядя в окно, я наблюдала, как он пересекает Пикадилли и направляется в сторону Риджент-стрит. Небо потемнело, начинался дождь.

* * *

Я человек противоречивый, не отрицаю, что есть, то есть. Наш последний семейный ужин в полном составе прошел в исключительно приятной атмосфере, все были улыбки и добродушны, но именно это и угнетало меня. “Когда еще мы соберемся все вместе?” – мысленно вопрошала я, загружая грязные тарелки в посудомойку. Девочки разбрелись по своим комнатам наверху, где им всегда есть чем заняться. Я решила посмотреть кино, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Сезон раздачи наград близился, и поскольку мы с Джеффри были в числе выборщиков от Киноакадемии, нам предстояло отсмотреть около тридцати фильмов. Начали мы с американского боевика с какофонической звуковой дорожкой: взрывы, стрельба, разбивающиеся автомобили – и этот грохот конкурировал с громоподобным оркестром. Уже минут через десять Джеффри крепко спал на диване, и его храп заглушал даже шумовое сопровождение фильма. Сделано было это кино точно по лекалам, и зачем, спрашивается, понадобилось тратить время, силы и деньги на то, о чем месяца через два никто и не вспомнит, а зрители забудут этот фильм сразу же, как выйдут из кинотеатра. Я переключилась на следующий фильм – британскую комедию о двух симпатичных неунывающих пенсионерах, что сели в машину и отправились на юг Франции, и, конечно, они то и дело попадали в передряги. Фильм задумывался как эксцентричный и жизнеутверждающий, но меня он поверг в глубокое экзистенциальное отчаяние. Всякий раз, когда должно было случиться нечто забавное, композитор пихал нас в бок струнным пиццикато. (В 1950-е и 60-е функцию подзадоривать зрителей исполнял фагот.) Через полчаса я была готова убить этих двух седовласых миляг, валявших дурака в Провансе. Выключила телевизор и вернулась на кухню, настроение было мрачнее некуда.

В обстоятельствах, до такой степени отчаянных, лишь одно способно облегчить мои страдания. Я всегда держу про запас по меньшей мере три сорта бри на случай чрезвычайной ситуации. Другие пьют, чтобы забыться; я ем бри. На данный момент в моем холодильнике, кроме прочих сыров, лежал добротный “Куломье” – не совсем бри, но почти, к тому же отменного качества, хотя и массового производства для продажи в супермаркетах, но сейчас мне было не до компромиссов: только несравненный “Бри де Мо” сгодится нынешним вечером.

Конечно, сыр следовало бы подержать при комнатной температуре часок-другой, но на это не было времени. Вскрыв коробку, я выковыряла ложкой изрядный шмат и размазала по крекеру. От изысканных, тончайших орехово-грибных ароматов язык мой сомлел. Текстура была твердой, но кремовой. Блаженство. Я ковырнула еще, потом еще, а когда опомнилась, оказалось, что за десять минут я умяла половину содержимого коробки.

– О господи. – На пороге кухни стоял проснувшийся Джеффри. – Все настолько плохо?

– Тебе не понять, – ответила я с набитым ртом, – насколько хорош бри, когда все плохо. По части сыров ты неандерталец.

Джеффри предпочитает чеддер или, в крайнем случае, красный “Лестер”. В сырах он ничегошеньки не смыслит.

Усевшись напротив, он налил себе полбокала “Лафройга”.

– Все будет хорошо, – объявил он.

Я опять намазала бри на крекер и слопала в два приема.

– С чего вдруг?

– Да ни с чего, просто само собой. Жизнь идет своим чередом.

Подумав, я нашла такой ответ не слишком убедительным.

– Наши дочери уже взрослые, – продолжил Джеффри. – И это чудесно, правда? Они превратились в красивых молодых женщин...

– Дело не только в этом, – раздраженно перебила я.

– Тогда в чем еще?

– Ты обратил внимание на музыку в тех двух фильмах?

– В общем нет.

– Ну да, ты поступил разумно, заснув.

– И что там не так с музыкой?

– Это была не музыка, а просто... шум. Набор штампов. Ни одной мелодии, ни одной новой идеи... И это принимают на ура. А то, что пишу я, никому не нужно. Господи, да мне не заказывали музыку к фильму уже целых пятнадцать лет.

– Индустрия не та, что была прежде, все это понимают. С другой стороны, у тебя появилось время заняться чем-нибудь еще.

– Чем-нибудь еще? Например?

– Я думал, ты сочинишь новую вещь... связанную с Билли Уайлдером, разве нет?

Так оно и было, но музыка не решала всех моих проблем.

– Что меня ждет, Джеф? – Я схватила его за руки. – У меня есть два таланта. Два занятия, что составляют смысл моей жизни. Я хороший композитор, я хорошая мать. Сочиняю музыку и воспитываю детей, в этом я мастер. Теперь же мне дают понять, что мое мастерство более никому не требуется. На обоих фронтах я терплю поражение. Капут. А мне всего-то пятьдесят семь! Но для меня все кончено. – Отняла у Джефа бокал с виски и допила залпом. И зря, очень зря, виски и бри друг с другом не в ладах, ни в коей мере. – Что меня ждет? – повторила я.

* * *

Следующего утра, вот чего я боялась до жути на самом деле. Почту доставили, как назло, рано, когда мы с Джеффри завтракали. Ариана у себя в комнате заканчивала укладывать чемоданы. Фран была в душе. Когда она спустилась на кухню, ей уже было пора уходить. Она устроилась на временную работу в Caff? Negro[4 - Британская сеть кофеен с итальянским названием, означающим в переводе “Черный кофе” .], ее смена начиналась через полчаса. В почте было письмо для нее с логотипом “Национальной службы здравоохранения” на уголке

конверта. Фран вскрыла конверт:

- Четырнадцатого января. Через неделю в понедельник.

Она имела в виду день, на который ей назначили процедуру... по прерыванию беременности.

Дочь протянула мне письмо, я прочла, но не нашлась что сказать. Высказался Джеффри:

- Что ж, наверное, чем раньше, тем лучше.

Встав из-за стола, я шагнула к Фран, мне хотелось обнять ее, но она ловко увернулась.

- Я опаздываю. - Фран надкусила тост и выпила кофе залпом. - Пока, до вечера.

- Ты попрощалась с сестрой?

- Ой... забыла. - Она побежала наверх.

- Они расстанутся почти на полгода, - сказала я Джеффри. - Как она могла забыть?

- Подростки - существа странные, - ответил он.

Наверху Фран задержалась минуты на две, не более, а спустившись, мигом надела куртку и шагнула к входной двери, словно предстоящая долгая разлука с сестрой-двойняшкой ее ничуть не волновала.

- Значит, тебя это устраивает? - спросила я, когда Фран открывала дверь. - Назначение на процедуру.

- Ну да.

- И ты действительно хочешь пройти через...

– Мама, не сейчас, ок? Я опаздываю. Поговорим в другой раз.

– Ты постоянно откладываешь этот разговор...

Но Фран уже торопилась по дорожке к выходу на улицу. Я беспомощно смотрела ей вслед, потом вернулась в дом. Джеффри, жуя тост, читал “Гардиан”.

– Я что, единственная в этой семье, кто умеет переживать? – набросилась я на него. – Одна наша дочь беременна, другая улетает в Австралию. Почему только я не могу чувствовать себя так, будто ничего особенного не происходит?

– Это все твои средиземноморские корни, – ответил Джеффри, и тут я взбесилась.

– Афины не в Средиземноморье находятся! – закричала я. – И моя мать родилась в Лондоне, а отец был наполовину словенцем, и подавлять эмоции я научена не хуже любого из вас.

– Одни и те же обстоятельства люди воспринимают по-разному, – ответил Джеффри очередным по-идиотски глубокомысленным обобщением.

– Ты даже не соизволишь поехать с нами в аэропорт, – не унималась я, хотя упрек был несправедливым.

– У меня лекционный день, – развел руками Джеффри. – Расписание составлено полгода назад. Пойду попрощаюсь с ней прямо сейчас.

Он поднялся в комнату Арианы. Как и мне, серьезной работы в киноиндустрии Джефу давно не предлагали, и он все больше времени проводил в Школе кино и телевидения в Биконсфилде, обучая студентов. Конечно, он поехал бы с нами в аэропорт, если бы не преподавал сегодня. В этом я не сомневалась. Я просто срывала на нем злость и печаль. По-моему, если вы прожили в браке лет двадцать пять, можно позволять себе нечто подобное, хотя и нерегулярно.

Я встала у стеклянной двери, за которой начинался наш сад.

Мы жили (и до сих пор живем) в террасном доме с четырьмя спальнями в Хаммерсмите. Купили мы его дешево, а сейчас цена на него взвилась до небес. Эту черту британцев, между прочим, я никогда не могла понять: они более чем склонны относиться к своим домам как к финансовым активам, а не как к семейному очагу. Джеффри постоянно бродил по сайтам недвижимости, отслеживая, насколько подросла стоимость нашего дома, но для меня прежде и более всего наш дом был не стенами и квадратными футами, но родным домом, и я надеялась, что мои дочери испытывают те же чувства. К примеру, в то утро, когда я смотрела на сад через стеклянную дверь, я видела картограмму детства Арианы. Этаким атлас воспоминаний. Яблоня, на которую Ариана любила залезать. Длинная толстая ветвь, где Джеффри вешал качели, и они до сих пор там висят, пусть их и загораживает буйная зелень лаврового куста, но разглядеть их можно, если постараться. Уголок, заросший травой, где девочки летом устраивали пикники и где в одну из редких снежных зим они пытались слепить снеговика. Чугунный столик, сидя за которым Арина рисовала, морща лоб от усердия и высунув кончик языка. Я до сих пор храню эти рисунки в картонной коробке под нашей кроватью, хотя дочь умоляла выбросить их.

Помнит ли она, как ребенком проводила время в саду, или все это ей уже безразлично?

В Сиднее ей будет хорошо, в чем я абсолютно уверена. Консерватория предложила Ариане стипендию – что называется, фантастическое везение. Другим фантастическим везением могла бы стать учеба Фран в Оксфорде, если бы девочка не упустила свой шанс, забеременев. Возможно, прервать беременность было правильным решением. Дочь такому исходу явно не рада, да и кто был бы рад? Отец (“отец”! мальчишка, и только) заявил, что ему не нужны ни ребенок, ни сама Фран, то есть рассчитывать на какую-либо поддержку с его стороны не приходилось. Следовательно, произвести на свет ребенка было бы неразумным поступком. А Фран, надеюсь, переняла у своих родителей умение избегать неразумных поступков.

– Уф, попрощался, – доложил Джеффри, спустившись на кухню.

Сгреб с крючка связку ключей от разных замков, чмокнул меня в щеку и был таков. Я осталась наедине с Арианой в последний раз.

* * *

Хитроу, терминал 3. Отвратительное место, если вы приехали сюда, чтобы с кем-то расстаться. По дороге в аэропорт Ариана болтала не закрывая рта, сплетничала о своих друзьях, рассказывала о книге, которую читает, и я не могла сообразить, действительно ли у нее легко на сердце либо она старательно притворяется веселой. У меня довольно плохо получается скрывать свои истинные чувства. Я беспрерывно кивала, иногда отзывалась короткой фразой, но внутри ощущала бездонную тоску и была уверена, что Ариана это понимает.

Перед тем как встать в очередь на посадку, она спросила:

- Ты ведь не расплачешься, правда?

- Конечно, нет. Я рада и счастлива. Мою девочку ждет великое приключение.

- Надеюсь, с Фран все будет в порядке.

- Я тоже надеюсь. Это кошмар, но мы с вашим папочкой окажем ей... любую посильную помощь.

Ариана замялась, будто намереваясь произнести нечто крайне веское и не слишком приятное. "До свидания", предположила я.

- Кстати, - сказала Ариана, - отныне я буду называть вас мама и папа. "Мамочка-папочка" звучит как-то... ну, не знаю. Слово мы до сих пор маленькие дети.

- Прекрасно, - просипела я, вдруг лишившись голоса. Мы застыли в неловком молчании.

Ариана потянулась ко мне, обняла:

- Всего через несколько месяцев мы снова увидимся.

- Точно. - Я обняла ее в ответ. - Время пролетит быстро.

Но плечи мои дрогнули от сдавленного рыдания. Ариана обняла меня покрепче, погладила по спине:

- Ну что ты, мам. Не надо себя так мучить.

Я помотала головой, не в силах выговорить ни слова.

- Твоя мама была такой же?

- При чем тут моя мама? - выдавила я.

- Ей ведь тоже пришлось через это пройти, - ответила Ариана. - Она провожала тебя в аэропорт, так ведь? Когда ты улетала в Америку.

- Тогда было все по-другому, - возразила я.

- Насколько по-другому?

- Это была просто поездка.

- Ладно, думай о моем Сиднее как просто о поездке.

Она поцеловала меня, прижалась ко мне в последний раз, а затем высвободилась из моих чересчур крепких и чересчур оберегающих объятий. Я смотрела ей вслед, очередь в зону досмотра двигалась еле-еле; наконец Ариана обернулась, помахала, улыбаясь, стеклянные двери открылись, она вошла, завернула за угол и исчезла из вида.

Утерев слезы рукавом пальто, я в одиночестве побрела на автостоянку. Размышляя о том, что сказала Ариана. Может, она права? И моей матери было столь же тяжело расставаться со мной тогда, в 1976-м? С ее смерти и дня не проходило, чтобы я не вспомнила о ней. Но, как ни странно, прежде я никогда не задавалась подобными вопросами.

Лос-Анджелес

В ответ на вопрос Арианы: нет, моя мать не плакала, когда махала мне вслед в афинском аэропорту в первых числах июля 1976 года. По крайней мере, я так думаю. Но заметила бы я ее слезы? Моя дочь права: молодые люди глухи и слепы к чувствам своих родителей, а многие даже и не подозревают о том, что у папы с мамой тоже есть чувства. Касаясь родительских эмоций молодежь пребывает в блаженном состоянии социопатии.

В любом случае я слишком нервничала, чтобы обращать внимание на мать. Мне только что исполнился двадцать один год, прежде я никогда и никуда не ездила одна, и целые три каникулярные недели путешествовать по Америке с рюкзаком за спиной было для меня чем-то абсолютно необычайным. В самолете, летевшем в Нью-Йорк, вместо того чтобы смотреть кино по бортовому телевизору (пародийный детектив “Ужин с убийством” [5 - “Ужин с убийством” (1976, реж. Роберт Мур) пользовался огромной популярностью; в фильме снимались Питер Фальк и Мэгги Смит, одну из ролей сыграл Труман Капоте.], вроде бы, но утверждать наверняка поостерегусь, поскольку в те времена кинематограф меня совершенно не интересовал), я усердно изучала путеводители и расписание американских междугородних автобусов. Полет был долгим и тягостным. Я попробовала включить концерт классической музыки, предложенный авиакомпанией. Персональных проигрывателей в семидесятые, разумеется, не было, ты зависел от выбора других людей, и кто-то составил банальнейшую программу из Бетховена, Моцарта и им подобных, а качество звука было чудовищным. Тогда я уже страстно увлекалась музыкой, но мои любимые композиторы – Сати, Дебюсси, Равель, Пуленк (все французы почему-то) – внимания составителя не удостоились. Время текло медленно, и моя нервозность нарастала. Не знаю как, но я оказалась в курящем отсеке, и мой сосед, мужчина средних лет, курил очень едкие тонкие сигарки. Когда мы приземлились в аэропорту Кеннеди, чувствовала я себя ужасно и в мой первый вечер в Америке никуда не пошла, просто отлеживалась в хостеле, изнывая от тошноты, усталости и спрашивая себя: во что ты вляпалась?

Из Нью-Йорка я отправилась на Западное побережье, ехала суток восемь на автобусах с пересадками. Чикаго – Спрингфилд – Сент-Луис – Оклахома, потом через Нью-Мексико в Вегас и оттуда в Лос-Анджелес. Поначалу мне было одиноко и тоскливо, но вскоре благодаря досадной случайности уныние как рукой сняло.

На автовокзале в Спрингфилде выяснилось, что рейса, на который я забронировала билет, не существует. Не я напортачила с бронью, с той же

незадачей столкнулись и другие пассажиры, и среди них британка, моя ровесница, веснушчатая и очень белокожая пепельная блондинка по имени Джилл. Следующего рейса мы ждали четыре часа, которых нам хватило не только на то, чтобы разговориться, но и чтобы подружиться. Казалось, у нас много общего: ни Джилл, ни я не могли похвастаться уверенностью в себе; напротив, обе были довольно застенчивыми. Ничего более авантюрного, чем эта поездка, с Джилл еще никогда не приключалось, как и со мной. В отличие от меня, она пока не была студенткой, но говорила, что осенью приступает к учебе в Оксфорде. Жила она на окраине Бирмингема, города, о котором я ничего не знала, кроме того, что это крупный промышленный центр где-то посередине Англии. С Джилл я утратила связь давным-давно, но вопреки тому, как она повела себя в Лос-Анджелесе, я храню о ней самые светлые воспоминания. Даже сейчас, печатая на компьютере историю нашего пребывания в Америке, я нет-нет да взгляну на фотографию, что стоит на моем письменном столе: мы с Джилл ранним вечером на пляже в Санта-Монике. Не хочу показаться нескромной, но, по-моему, из нас двоих я была симпатичнее – лицо у Джилл вытянутое, костистое, а с зубами просто беда, – но по неведомой причине твоя привлекательность для противоположного пола не всегда зависит от твоей внешней привлекательности, и в нашей зарубежной поездке именно у Джилл случился курортный роман.

Звали его Стивен. Знакомство состоялось, когда мы наконец добрались до Западного побережья, побывав на Большом каньоне и в Вегасе, кроме многих прочих мест; переезды и достопримечательности вымотали нас обеих, и в Лос-Анджелес мы явились почти без сил. Первые два дня прошли тихо, не оставив сколько-нибудь ярких впечатлений. Поселились мы в старом центре города, в хостеле, простецком и грязноватом. Столовой там не было, и мы топали два квартала до ближайшей аптеки-закусочной, чтобы купить еды: хлеб, плавленый сыр, нарезки индейки и ветчины. С таким питанием я на второй день почувствовала себя плохо. Разок-другой мы пытались гулять с путеводителем, но было слишком жарко, а колесить по огромному городу на общественном транспорте было слишком утомительно. На второй день к вечеру ситуация окончательно усложнилась, когда в хостеле объявился Стивен; от Сан-Франциско до Лос-Анджелеса он добирался автостопом. Он тоже был британцем, и, наверное, поэтому Джилл разговорилась с ним; подробностей я не помню, но зато отлично помню, что когда к нашей дружеской паре присоединился третий человек, общение стало затруднительным. Стивен присосался к нам как пиявка, и чем дальше, тем острее я чувствовала, что меня выпихивают из кадра. Сперва я обнаружила, что Джилл и Стивен всегда шагают вместе впереди меня, плечом к плечу, а я тащусь позади. Затем они начали держаться за руки, потом

целоваться при любом удобном случае (а иногда и без оно́го). Спустя несколько дней я окончательно убедилась: мне навязали роль невольного свидетеля буйно расцветающей влюбленности.

Впрочем, насколько серьезным был этот роман, я поняла далеко не сразу, но спустя некоторое время. У Стивена был билет на ночной автобусный рейс до Феникса, штат Аризона, где он договорился встретиться с другим путешественником, своим школьным приятелем. Так совпало, что в тот же вечер Джилл предстояло отужинать с незнакомым ей человеком, другом ее отца, проживавшим в Беверли-Хиллз. Перспектива ужина не слишком прельщала Джилл, она даже сердилась на своего отца за проявленную инициативу – хотя я уверена, что он действовал из лучших побуждений, – и Джилл заранее позвала меня с собой для “моральной поддержки”. Но теперь ужин совпал с отъездом Стивена, и моя подруга рвала и метала. Я не понимала, из-за чего она так бесится: они уже назначили друг другу свидание в Лондоне, сразу же, как только Джилл вернется домой. Расстанется эта парочка всего дней на десять – неужели так трудно потерпеть? (На тот момент, как вы уже догадались, сама я никогда и ни в кого не влюблялась.)

После обеда, накануне отъезда Стивена, мы втроем отправились на пляж Санта-Моники. Я в основном бродила по пирсу, разглядывая сувениры в магазинчиках для туристов, либо сидела на песке, глядя на море, а Джилл и Стивен гуляли по набережной из конца в конец, крепко взявшись за руки и целуясь взад, пока у них губы не распухли. Когда же Стивену настала пора возвращаться в хостел за вещами и оттуда ехать на автовокзал, я была готова к тому, что Джилл обольется слезами, но, к моему удивлению – и облегчению, – она повела себя как истинный стоик. Помахав вслед автобусу и дождавшись, когда он исчезнет вдали, Джилл вернулась на пляж, где и нашла меня.

– Ты в порядке? – спросила я, когда она уселась рядом.

– Да, конечно.

Тогда я еще ничего не знала о британцах и об их въевшейся в плоть и кровь привычке скрывать свои чувства, поэтому поверила Джилл на слово и с легким сердцем сменила тему, задав вопрос, который давно вертелся у меня на языке, с тех самых пор, как меня пригласили на ужин со старым другом ее отца. Что-то в этом приглашении смущало меня, учитывая, что отец Джилл был обычным “белым воротничком”, работал на заводе инженером и не имел никакого

отношения к киноиндустрии.

– Скажи, как твой отец, – я старательно подбирала слова, опасаясь кого-нибудь обидеть, – познакомился с режиссером из Голливуда?

– Понятия не имею, – ответила Джилл. – Мой папа – загадочная личность. У него много разных знакомых. Он часто ездит за границу, а возвращаясь, почти ничего не рассказывает нам о том, где побывал. Но, похоже, они хорошо знают друг друга, потому что несколько лет назад этот режиссер снимал кино в Англии, и на лондонскую премьеру пригласил моих маму с папой. Билеты прислали по почте, такие большие, на плотной бумаге с позолоченной каймой.

– И что это был за фильм?

Джилл пожала плечами:

– Кажется, о Шерлоке Холмсе[6 - “Частная жизнь Шерлока Холмса” (1970), фильм одновременно был номинирован на премию им. Эдгара Аллана По в категории “Лучший фильм” и на премию Гильдии сценаристов США в категории “Лучшая оригинальная комедия”.]. Папа без ума от Шерлока Холмса.

– Он знаменитость? – спросила я. – Режиссер?

– Вряд ли. Ему уже лет семьдесят, так что...

И это все, что я от нее услышала. Мы долго валялись на песке, загорая, тогда-то и был сделан снимок, что красуется на моем столе. Я позабыла, кто нас фотографировал. Вероятно, мы попросили случайного прохожего “щелкнуть” нас на пляже примерно в миле от пирса. На снимке мы сидим бок о бок, наблюдая, как удлиняются тени и под косыми лучами солнца поверхность океана переливается золотом: две юные девушки в тысячах миль от родного дома, тонкие ноги Джилл вытянуты на песке рядом с моими потолще и покрепче, и цвет наших конечностей тоже неодинаковый: ровный коньячный загар у меня, английская белизна с голубыми прожилками вен у моей подруги. Признаюсь, я эгоистично радовалась тому, что Джилл снова принадлежит мне целиком и полностью, необходимость делить ее со Стивеном отпала; отныне и до конца нашего путешествия мы будем только вдвоем, ликовала я. Что до грядущего ужина, так ли уж плохо провести вечер с новыми знакомыми и большим сочным

стейком, возместив ущерб, нанесенный фастфудом, которым мы перебивались в последнее время? Конечно, знай я, что этот ужин повлечет за собой радикальные перемены в моей жизни, я бы наверняка рассуждала иначе, но предчувствий у меня ни на йоту не было, я преспокойно лежала на пляже рядом с вновь обретенной Джилл, наслаждаясь горячим песком под нашими телами и любуясь солнцем на воде под аккомпанемент радостного визга, доносившегося с американских горок на пирсе, и будущее виделось мне прекраснейшей порой исполнения желаний и безоблачного счастья.

* * *

Джилл снабдили адресом ресторана под названием “Бистро”: Норт-Кэннон-драйв в Беверли-Хиллз. В этой части Лос-Анджелеса мы до сих пор не бывали и представить не могли, сколь разительно не похож Беверли-Хиллз на район, где мы жили. Вечернее солнце высвечивало шикарные бары, кофейни, дизайнерские бутики; деньги сочились из каждой стены, из каждой трещинки на асфальте. Рассчитывая время на дорогу, мы по неопытности ошиблись и к ресторану подъехали в 19:50 – с опозданием на двадцать минут. Запыхавшиеся, растерянные, мы стояли перед трехэтажным домом, обычным, каких много, можно было бы сказать, если бы не вычурное крыльцо из темного дерева и антикварные на вид окна с тюлевыми занавесками. Вывеска над входом гласила: “Ресторан «Бистро»”, шрифт недвусмысленно напоминал о парижском fin de siècle[7 - Французский “конец века”, наступивший в 1880-х, иногда именуют декадансом. Для этого периода были характерны эстетство, обостренное восприятие реальности, пессимизм и свобода нравов.]

Для начала (что было вполне предсказуемо) нас отказались пустить внутрь. Швейцар, смерив нас взглядом, загородил собою вход и едва не рассмеялся нам в лицо. Одеты мы были одинаково: грошовые футболки с принтами на груди, джинсовые шорты, едва прикрывавшие попу, темные очки, резиновые шлепанцы. Мое знакомство с ресторанами было сугубо эпизодическим, но поскольку мы находились в элитном квартале, как я успела сообразить, даже мне стало ясно, что одеты мы не так, как надо.

– Мы приехали поужинать с мистером Уайлдером, – сказала Джилл, когда швейцар велел ей “ступать своей дорогой”.

– А то, – обронил швейцар, поверх наших голов оглядывая улицу. Он был в темном костюме, при галстуке, и физиономия его на летней жаре блестела от пота.

– Он пригласил нас, – настаивала Джилл и произнесла по слогам: – Мис-тер У-айл-дер.

Швейцар снова окинул ее взглядом, презрительно хмыкнул, но, поразмыслив, исчез в глубине здания. Через минуту он вернулся; выражение его лица изменилось, хотя дружелюбнее не стало.

– Звать как? – спросил он.

– Фоли. Джилл Фоли.

– Джилл, – повторил он, явно не в силах смириться с тем, что ему придется пустить нас в ресторан. – Ладно. Вперед.

Швейцар дернул головой, указывая путь. До сих пор помню, как мы следовали второпях за его мясистой, колыхавшейся тушей со складкой жира на затылке, выпиравшей из-под накрахмаленного воротничка.

Внутри ресторан выглядел не менее вычурным, чем крыльцо снаружи. За окном голубые небеса и неутомимое калифорнийское солнце середины июля, а за стенами “Бистро”, миновав тесный вестибюль (где за стойкой сидела бледная девушка, готовая предложить нам оставить лишнюю одежду на хранение, но, увидев нас, решила не утруждаться), мы попали в огромный зал, а если точнее, в некий иной мир. Резные панели темного дерева, хрустальные люстры, зеркала на каждом шагу, бар во всю стену. И все очень рококошное. На миг мне и впрямь почудилось, что, преодолев некий барьер в пространстве и времени, мы оказались в Париже на рубеже XIX и XX веков, разве что приглушенные разговоры вокруг (ресторан был полон) велись по-английски, конечно. Из динамиков лилась аккордеонная музыка, пара музыкантов легко и нежно расправлялись с “Под небом Парижа” (одна из первых мелодий, которую я научилась играть на фортепиано), только почему-то они взяли более высокую тональность ля минор вместо привычной соль минор.

Швейцар передал нас усатому метрдотелю в смокинге, идеально подогнанном по фигуре, и этому главному распорядителю хватило опыта и вежливости, чтобы не коситься на наши до идиотизма неподобающие наряды; развернувшись на каблуках, он повел нас по залу, ловкими и плавными движениями профи прокладывая путь между столиками. Посетители, смолкнув, глазели на нас, когда мы проходили мимо. Я чувствовала, как пылают мои щеки. Вскоре нас подвели к угловому столику, но, к моему недоумению, за ним сидели четверо, а не двое. Две женщины, двое мужчин. И все четверо очень немолодые. Это было первое, что меня смутило. А второе – все они были очень мрачными. Их словно придавило тяжким гнетом, особенно угнетенными выглядели мужчины. И это бросалось в глаза. Пары сидели друг против друга, каждая на своем конце стола, а посередине, также друг против друга, пустовали два кресла, предназначенные мне и Джилл.

Одна пара была элегантнее другой. Я засмотрелась на даму лет пятидесяти с пышными черными волосами, тонко очерченным ртом, высокими скулами и голубыми глазами, сверкавшими за большими, слегка затемненными очками. На ней была шифоновая “осенняя” блузка, коричневая с рисунком из желтых листочков. Пусть в одежде я разбиралась еще хуже, чем в ресторанах, и тряпки меня никогда особо не интересовали, я сразу поняла, что блузка очень дорогая. Напротив красивой дамы сидел довольно старый мужчина, ее муж, решила я. Он был почти лысый, но остатки серебристых волос, тщательно зачесанные назад, лишь подчеркивали внушительность его лба, высокого и выпуклого. Одет он был просто, в бежевую спортивную рубашку, застегнутую на все пуговицы, и, по моему, тоже весьма недешевую; позднее, когда я вспоминала о нем (много и часто), один и тот же вопрос не давал мне покоя: как ему удавалось в обыкновенной спортивной рубашке и летних штанах выглядеть столь изысканно, стильно и непринужденно? Мой отец, к примеру, во взятом напрокат дорожном костюме (по случаю своего пятидесятилетия, отпразднованного в Афинах в том году) выглядел как обычно, расхристанным – воротничок сдавливал ему горло, галстук болтался из стороны в сторону, а рубашка едва не лопалась на брюхе. Думаю, тут все дело в том, к чему вы привыкли с детства. И в деньгах, естественно. Деньги – всегда очень важная материя.

Таково было мое первое знакомство и первое впечатление от мистера Уайлдера. Очки он носил постоянно, с толстыми линзами очки, и, вопреки унынию, написанному на его лице, глаза за этими линзами вспыхнули весельем, когда он увидел нас с Джилл, приближавшихся к столику в мятых футболках и коротеньких шортах. Веселье его было откровенным, непосредственным и немного обидным, но совершенно беззлобным. Наше появление он воспринял

как комическую ситуацию, чем и наслаждался. Да и кто бы не развеселился, если на то пошло?

Когда он встал, чтобы поздороваться с нами, трое его сотрапезников тоже поднялись на ноги.

– Итак, одна из вас, – сказал мистер Уайлдер, протягивая руку, – вероятно, Джилл.

– Это я. – Джилл пожала протянутую руку.

– А-а, ну конечно. Счастлив познакомиться. Как мило, что вы здесь с нами. Прошу, садитесь, вот здесь, в центре стола.

Говорил он с сильным – и очень густым, на мой слух – немецким акцентом, чего я не ожидала. Никто не предупредил меня, что он немец. Я полагала, что он американец.

– Меня зовут Калиста, – сказала я, так и не дождавшись, когда Джилл меня представит.

– Прекрасно, прекрасно, – ответил мистер Уайлдер. – А это моя жена Одри, мой друг мистер Даймонд и его жена Барбара.

– Калиста, – повторила Одри. – Какое чудесное имя. Это английское имя?

– Я гречанка, – объяснила я. – Живу в Афинах.

Мы уселись за столик. Я между двумя мужчинами, Джилл между двумя женщинами. Мистер Даймонд с редющей шевелюрой, в очках в проволочной оправе походил на большого ученого, вечно погруженного в свои непростые мысли. Я предположила, что нынешним вечером он будет не слишком многословен, и оказалась права. Его жена Барбара производила впечатление дамы дружелюбной либо, во всяком случае, наименее устрашающей в этой четверке. Я чувствовала себя не в своей тарелке, мягко выражаясь; за ужином в компании принято вести беседу – о чем я буду с ними говорить? Было бы проще, знай я хоть что-нибудь о мистере Уайлдере и его фильмах. Кинорежиссера я

представляла себе так: молодой мужчина в спортивном костюме и бейсболке, приняв картинную позу, кричит из-за камеры “Снято!” и “Мотор!”. Однако мистер Уайлдер более походил на университетского профессора на пенсии или на пластического хирурга, разбогатевшего на подтяжке лица, столь жизненно необходимой многим обитателям Беверли-Хиллз.

Все четверо потягивали мартини. Спросили, не хотим ли и мы выпить бокальчик. Джилл ответила “да”, я ответила “нет”. Тем временем мистер Уайлдер был занят важной беседой с сомелье, завершившейся заказом двух бутылок вина, белого и красного. С особой настойчивостью мистер Уайлдер просил проследить, чтобы красное вино перелили в графин заранее, что ему и было обещано.

Перед нами лежали меню в кожаных переплетах. Я открыла свое меню. Английские названия блюд дублировались французскими, но шрифт был настолько завитушечный, что я почти ничего не понимала ни на одном языке. Заглянув на последнюю страницу с винной картой, я наткнулась на цену заказанного красного вина, и челюсть у меня отпала.

Мистер Уайлдер повернулся к Джилл:

– Как поживает ваш батюшка, позвольте спросить?

– Хорошо, – ответила Джилл.

– Замечательно. Рад слышать. – И продолжил, обращаясь к остальным, сидевшим за столом: – С отцом этой юной леди я познакомился в Лондоне во время войны. Он работал тогда в министерстве информации, и мы проводили много времени вместе, проясняя кое-какие вопросы. Он мне очень понравился.

– И вы по-прежнему общаетесь? – спросил мистер Даймонд.

Мистер Уайлдер пожал плечами:

– Иногда. Я не мастак писать письма. Последний раз мы виделись в Лондоне несколько лет назад, когда я работал над картиной о Холмсе. Посидели вместе в баре “Коннот”.

Джилл ничего не сказала, и тема сама собой закрылась. Я сочувствовала моей подруге: наверное, нелегко придумать, что бы такое сказать старому приятелю твоего отца, учитывая, что ты видишь его впервые в жизни. А кроме того, Джилл была опечалена разлукой со Стивенном, и это было отчетливо написано на ее лице.

- Вы любите устрицы? - огорошил нас вопросом мистер Уайлдер.

- Устрицы? - Я взяла меню и притворилась, будто читаю.

- Устрицы здесь очень хороши. Их вылавливают в заливе Гумбольдта. Верно, настоящие устрицы, французские, лучше. Но мы в Калифорнии.

- Тогда я, пожалуй, возьму устрицы, - сказала я.

- Они вам нравятся?

- Не очень.

- Тогда не берите. Не робейте и не стесняйтесь. Выбирайте что хотите. То, что вам нравится.

Он был добр к нам, хотя я и досадовала на него: зачем он заметил вслух, как мне неловко и страшно.

- А что вы закажете?

- Мы с женой, - ответил мистер Уайлдер, - возьмем дюжину устриц на двоих, а затем угостимся шатобрианом.

- Мы всегда заказываем одно и то же, когда приходим сюда, - вставила Одри.

- И давно вы сюда ходите?

- С тех пор как открылся ресторан. Билли - его владелец, так что...

Я уставилась на мистера Уайлдера:

- Правда?

- Я один из акционеров, - небрежным тоном пояснил мистер Уайлдер.

- Нам хотелось, - сказала Одри (и я отметила про себя местоимение первого лица множественного числа), - привнести немного Парижа в Беверли-Хиллз. Здесь все очень... пластмассовое, очень новое. А Билли хотел, чтобы ресторан напоминал ему о старой Европе.

- В моем воображении ресторан вырисовывался куда более простецким, - подхватил Билли. - Клетчатые скатерти, кувшины с вином, что-нибудь в таком роде. Но потом за дело взялась она.

- Интерьер создан по рисункам Билли, - продолжила Одри. - Все, что здесь есть, - бар, освещение, панели...

- Нежная Ирма, - пробормотал ее муж, но я не поняла, что он имеет в виду[8 - "Нежная Ирма" (1963) - фильм Билли Уайлдера о проститутке с добрым сердцем и честном полицейском, в итоге взявшем ее в жены.].

Явился официант взять у нас заказы:

- Вам как обычно, мистер Уайлдер?

Билли коротко кивнул.

- А вы, миссис Даймонд, что предпочтете сегодня?

Миссис Даймонд заказала что-то легкое - салат, кажется, - ее муж, однако, не пошел по проторенной супружкой дорожке.

- Паштет для начала. - Он посмотрел на жену, одобряет ли она его выбор; миссис Даймонд не возражала. - А потом, да, знаю, надо бы тоже заказать салат или что-нибудь не слишком тяжелое, но...

Он опять посмотрел на жену, более просительно на сей раз, и она избавила его от мучений:

– Да ладно, Иц, бери стейк. Тебе же хочется.

– С картошкой фри?

– Только в виде исключения. Здесь картошка ужасно вкусная.

Официант наклонился к нему:

– Стейк с картофелем фри, сэр?

Мистер Даймонд захлопнул меню и улыбнулся официанту в знак согласия. В тот вечер я не часто видела улыбку на его лице – впрочем, как и впоследствии.

– Сгодится, – ответил он, и все за столиком переглянулись украдкой, сдерживая смех.

Я заказала то же, что и мистер Даймонд. Он мне уже нравился, и я уже считала его самым надежным и прямодушным проводником в социальном лабиринте, куда меня ненароком занесло. Джилл выбрала луковый суп и омлет. Официант удалился, ему на смену явился сомелье с винными бутылками. Замысловатый ритуал откупоривания, обнюхивания, пробы и последующего одобрения. И лишь затем шесть бокалов наполнили вином.

– Выходит, – сказала Барбара, когда винная церемония закончилась, – вы, девочки, путешествуете вдвоем по Америке, так?

– Точно так, – ответила я, одним глотком опорожнив свой бокал едва не на треть, что немного подняло мне настроение.

– Уже побывали на Восточном побережье? (Мы обе кивнули.) И как вам Нью-Йорк?

Вспоминая этот разговор много лет спустя, я могу только корчиться от стыда. Мы безумно стеснялись, и у каждой язык будто к небу прилип. Обстановка и

компания вгоняли нас в ступор, ведь ни с чем подобным мы раньше не сталкивались. К счастью, прежде чем стало окончательно ясно, что ни одна из нас не способна мало-мальски увлекательно поговорить о Нью-Йорке, от несмываемого позора нас уберег незнакомец, возникший у стола, – мужчина лет за тридцать в деловом костюме в клетку, от которой рябило в глазах, и с невероятно широкими лацканами по моде 1970-х; на голове копна кудрявых волос, на лице почтительное выражение.

– Мистер Уайлдер? – произнес он.

Мистер Уайлдер повернулся к нему, не вставая с кресла и не выказывая ни раздражения, ни приветливости.

– Не хочу вам мешать...

– Все нормально. Продолжайте.

– Я только хотел сказать... я ваш самый большой поклонник.

– Правда? Самый большой?

– Такая честь познакомиться с вами.

– Вы очень любезны, спасибо.

– Вы не представляете, какое влияние... На самом деле именно из-за вас я пришел в этот бизнес.

– Вы в киноиндустрии?

– Работаю в дирекции Уорнера. Могу я дать вам свою визитку?

– В дирекции Уорнера? В таком случае мне следовало бы обхаживать вас, а не наоборот.

Мужчина нервно хихикнул в ответ на комплимент и вручил мистери Уайлдеру визитку. Тот приподнял очки, чтобы прочесть имя поклонника.

- “В джазе только девушки”[9 - Фильм, выпущенный на экраны в 1959 г., удостоился “Оскара” и трех “Золотых глобусов”, а кроме того, Институт киноискусства США провозгласил “Девушек” лучшей американской комедией всех времен.], - продолжил мужчина, - это... ну, величайший фильм.

- Вы очень любезны, - повторил мистер Уайлдер.

- Шедевр американского комедийного кино, - добавил мужчина. - Честное слово.

Мистер Уайлдер кивнул. Кивок был красноречивым, посылавшим четкий сигнал новоявленному поклоннику: время его истекло, беседа завершена.

- Что ж... простите, что побеспокоил вас, - закруглился мужчина. - Но я увидел вас из другого конца зала и не смог удержаться...

- Все совершенно нормально, - сказал мистер Уайлдер. - Было приятно познакомиться.

- Не знаю, работаете ли вы сейчас над каким-либо проектом и с какой студией сотрудничаете, но... В общем, у вас есть моя визитка.

- Именно.

Прежде чем удалиться, мужчина спросил: “Можно мне?..” - и протянул ладонь. Они пожали друг другу руки, и поклонник отчалил.

Мистер Уайлдер развернулся к столу, отхлебнул вина и глянул искоса на мистера Даймонда:

- Слышал? “Шедевр американского комедийного кино”.

- Слышал.

Хохотнув, мистер Уайлдер продолжил:

– Снятый по мотивам немецкого фильма, в свою очередь снятого по мотивам французского фильма. И по сценарию, сочиненному австрийцем и румыном!

Улыбка тенью мелькнула на губах Ици Даймонда и пропала.

Я же раскладывала по полочкам услышанное. Австриец – мистер Уайлдер, судя по акценту. Следовательно, его друг – румын. А исходя из его разговора с “поклонником”, я не могла не догадаться, что “В джазе только девушки” – название фильма, снятого мистером Уайлдером. Признаюсь, я понятия не имела, что это за фильм. Упомяни кто-нибудь Мэрилин Монро, наверное, я бы наконец внесла свою лепту в застольную беседу, ибо даже я слышала о ней. Но никто не упомянул. Наверняка Джилл могла бы высказаться вместо меня, невежды, но было очевидно, что к разговорам наших новых знакомых она почти не прислушивается. Все, на что ее хватало, – пронзая пространство взглядом, исполненным трагизма.

– Опять же, – хмыкнул мистер Уайлдер, – может, он и в глаза не видел этого фильма. Почему нам знать?

– Ой, Билли, – укорила его жена, – нельзя быть таким циником.

– По-моему, парень был искренен, – сказал мистер Даймонд.

– Ладно, я ее припрячу. – С этими словами мистер Уайлдер сунул визитку в нагрудный карман рубашки. – Пути господни неисповедимы, а вдруг окажется, что без нее нам никуда.

Фраза явно не задумывалась как шутка и была воспринята соответственно. Подавленность мистера Даймонда мгновенно усугубилась. Барбара сосредоточенно вращала в руке бокал с вином, словно пытаясь увидеть дно. Откликнулась только Одри, и довольно свирепо:

– Прекрати, Билли. Марлен не хочет сниматься в картине. Ну и что?

Позднее я поняла: этой репликой Одри была точно в цель. Ее муж не любил обсуждать рабочие вопросы в кругу друзей и знакомых, и тем более когда тема была столь деликатной и конфиденциальной, как нынешняя. Реакция жены не рассердила Билли. (На Одри он никогда не сердился.)

– Давай не будем об этом сейчас, окей? – сказал он.

– Давай. Я и говорю, прекрати.

К счастью, я знать не знала, кто такая Марлен. Как и о том, что эту загадочную Марлен Билли надеялся снять в главной роли в своем новом фильме. А также о том, что с утренней почтой он получил от нее письмо, сообщавшее в самых решительных выражениях, что работать с ним она не намерена. Это известие повергло Билли и мистера Даймонда в глубокое расстройство, и за весь день они ни на строчку не продвинулись в работе над сценарием. Словом, я ничего не знала, но даже если бы знала, на восхитительный шмат по-деревенски комковатого арденского паштета я набросилась бы с не меньшим рвением, ведь почти две недели, с тех пор как я уехала из дома, мне не удавалось вкусно поесть. Мой гастрономический энтузиазм возымел по крайней мере одно благотворное действие: мистер Уайлдер повеселел, и за линзами его очков опять вспыхнули озорные огоньки. Неторопливо отхлебнув вина, он сказал:

– Что-то подсказывает мне, что, путешествуя по Америке, вы не слишком хорошо питались.

Я кивнула пристыженно: могла бы и не демонстрировать, насколько я оголодала.

– *Von appetit*[10 - Приятного аппетита (фр.)], – добавил он.

И сосредоточился на своих устрицах (выглядели они, по-моему, омерзительно, а пахли еще хуже), однако проглотить успел только три штучки, когда к столику приблизился новый незнакомец. Этому было лет около сорока пяти, черные волосы до плеч, усы с опущенными до самого подбородка кончиками, рубаха в сеточку, линялые джинсы, а на шее цепь с увесистым медальоном. Он казался более уверенным в себе, чем предыдущий визитер.

– Мистер Уайлдер? – начал он.

Билли, как раз поддевавший вилкой четвертую устрицу, обернулся, глянул на мужчину и смиренно любопытствовал:

– Чем могу быть полезен?

– Я понимаю, вы кушаете... в дружеской компании и все такое, но можно я вам кое-что скажу, коротко, в двух словах?

– Пожалуйста, приступайте.

– Я только хотел сказать, что ваши фильмы... они изменили мою жизнь, – торжественно провозгласил мужчина, а затем его понесло: – Видите ли, давно это было, еще в начале шестидесятых, когда я плюнул на все и перебрался на Западное побережье. То есть ни драг-культуры, ни хиппи, ни контрреволюции тогда еще и в помине не было, но в воздухе что-то такое витало, ну вы в курсе, да? Сперва я подался в Сан-Франциско, поэзия там была реально клевая и джаз играли по кайфу, и я типа погрузился в атмосферу и сам начал пописывать, и... хм-м (смешок)... стихи мои реально не были такими уж хорошими, врать не стану, но, с другой стороны, поэзия заставила меня пересмотреть мое отношение к жизни, понимаете? И я осознал, что моя жизнь до того была такой... узкопрофильной, то есть я был таким лохом, но искать себя... за это я взялся не сразу, а только когда все кругом завертелось, ну сами знаете: власть цветов, психоделия, вечный кайф, наркота... Именно тогда я понял, чего я реально хочу, поэтому рванул в Лос-Анджелес и начал продвигаться в музыкальной сфере, какое-то время торговал пластинками в магазинчике на Мелроуз-авеню, его там больше нет, теперь там зубоврачебный кабинет или какая другая фигня, точно не скажу, но потом я занялся менеджментом, некоторое время был менеджером у “Мазерс Файнест”, помните таких? В то время они были ого-го, по три-четыре тысячи слушателей собиралось на их концерты... иногда... впрочем, сейчас это уже неважно, потом я переключился на промоушен, и... закругляюсь, простите, вам, наверное, хочется доесть свой ужин... короче, я открыл клуб в Фэрфаксе, а недавно еще один в Восточном Голливуде[11 - Фэрфакс – калифорнийский городок в 400 милях от Лос-Анджелеса; Восточный Голливуд – окраинный район Лос-Анджелеса.], две площадки, и на обеих дела идут улетно, и самое главное, я чувствую себя самым везучим чуваком на свете, нет, конечно, я понимаю, это не то, что быть всемирно известным кинорежиссером и все такое, но клубный менеджер, в своем кругу он... востребован, сечете, о чем я? То есть я могу менять девчонок каждый

вечер, если захочу, иногда я так и делаю, хотя я не то чтобы... (Заметив пристальный взгляд Одри исподлобья.) Без обид, мэм, я не хотел никого задеть и, надеюсь, не задел. Просто мне очень хотелось рассказать вам, мистер Уайлдер, про мою жизнь и поблагодарить. Спасибо за все.

Секунды две Билли молча разглядывал парня, прежде чем спросить:

– Я не улавливаю смысла. При чем тут, черт возьми, мои картины?

Мужчина сообразил, что, надо же, в своем повествовании он пропустил самую главную часть, и смущенно рассмеялся:

– Извиняюсь, я туплю, ведь я первым делом должен был сказать об этом: все пошло-поехало из-за вашей картины, той самой охеренной “Квартиры”[12 - “Квартира” (1960) собрала множество премий, среди них пять “Оскаров”, три “Золотых глобуса”, три премии Британской киноакадемии, кубок Вольпи на Венецианском кинофестивале.]. Помните такую?

– Мм-да-а, припоминаю.

– Так вот, персонаж Джека Леммона – вылитый я в начале шестидесятых. Я был таким же безмозглым чмо, вкалывал на крупную корпорацию в Нью-Йорке, и когда я посмотрел ваш фильм, до меня дошло: я должен поступить как он, послать все на фиг и мотать из Нью-Йорка куда подальше, вы меня понимаете?

После продолжительной паузы Билли кивнул:

– Понимаю. Выходит, все это из-за меня?

– Все из-за вас.

Мужчина постоял еще немного, словно в ожидании похвал.

– Что ж... – Билли протянул ему руку, – полезно знать такие вещи. Спасибо.

Они обменялись рукопожатием.

– Спасибо вам, мистер Уайлдер. И без обид, мэ.

– Никто и не обиделся, – милостиво улыбнулась Одри.

Мужчина ушел. Билли снова выпил вина и отправил в рот четвертую, заждавшуюся своей очереди устрицу. С паштетом я управилась в два счета и теперь отщипывала потихоньку от куска хлеба.

– Слыхал? – Билли воззрился на мистера Даймонда, сидевшего на другом конце стола. – Вот так-то.

– Так-то вот, – согласился Ици.

– Парень каждую ночь при живой грелке, чего без нас у него бы никогда не было.

– И ты вроде как посланец небес, да?

Мистер Уайлдер покачал головой, словно дивясь роли случая в человеческой жизни. Он улыбался. Но тему развивать не стал и две последние устрицы съел молча.

Я решила поддержать беседу. Большой бокал вина, только что допитый, придал мне отваги.

– Наверное, это здорово – услышать от людей такое. О том, что ваши фильмы изменили их жизнь.

– Да, это приятно, – сдержанно откликнулся мистер Уайлдер. – Знать, что не все, сделанное тобой, забыто.

– Его пресыщенный тон, – прокомментировала Одри, – объясняется тем, что подобное происходит довольно часто. На улицах, в магазинах. Не удивляйтесь, если сегодняшним вечером к нашему столику подойдут еще человек пять-шесть.

– И не удивляйтесь, – дополнил Билли, – если они назовут одни и те же картины. И все пятнадцатилетней давности. А иногда и более ранние. Они даже могут

припомнить совсем старые ленты. Снятые лет двадцать, а то и тридцать назад. После “Квартиры” мы с мистером Даймондом поработали над семью фильмами. Посмотрим, скажет ли кто-нибудь сегодня, что хотя бы один из этих семи изменил их жизнь.

Дабы прервать последовавшее тягостное молчание, я снова открыла рот:

- Да, но это же потрясающе...

Билли повернулся ко мне:

- Говорите, вы из Греции, я правильно понял?

- Правильно.

- Но у вас превосходный английский. И даже английский акцент.

- Моя мама англичанка.

- То есть с самого раннего детства вы владеете двумя языками?

- Да.

- Скажите что-нибудь на греческом.

- ?????? ??? ????? ????? ????????? ?? ?????? ???, – сымпровизировала я, особо не задумываясь.

- И что это значит?

- Это значит “Думаю, я выпила бокал вина слишком быстро”.

Билли рассмеялся.

- Вам очень повезло, вы говорите на двух языках. Вам пришлось выучить их, когда вы были еще ребенком. Мне было под тридцать, когда я приехал сюда, и

приехал я, не зная английского. Ну, может быть, с десяток слов, не больше. Учил язык, слушая радио, в основном комментаторов на бейсбольных матчах. И однако, акцент мой так никуда и не делся, и даже теперь я говорю не всегда гладко. Французский я знаю куда лучше. У меня хороший французский. Вы говорите по-французски?

– Говорю, – ответила я. – И по-немецки тоже. Оба языка мне преподавали в университете.

– Этой весной мы с мистером Даймондом побывали в Греции, – сообщил Билли. – Поездили по островам, высматривая натуру для съемок. Вам знакомы эти места?

– Греческие острова? Да, кое-какие знаю. Мы отдыхали на Санторини, на Икарии... Почему вы спрашиваете?

– Мы не нашли того, что нам нужно, – ответил Билли. – Но если студия все же раскошелится на нашу новую картину – если, поскольку в нынешней киноиндустрии никогда не знаешь, чем дело кончится, – нам потребуется подходящий греческий остров.

Сгорая от любопытства, я задала, казалось бы, невинный вопрос:

– А о чем ваш новый фильм? – И была поражена смятением, отразившимся на лицах Одри и супругов Даймонд.

С тех пор, за минувшие долгие годы, я, конечно, усвоила: никогда и ни под каким предлогом нельзя расспрашивать творческих людей о том, над чем они в данный момент работают, – но в те времена я была совершенной naïf[13 - Простушка (фр.).] и мое любопытство казалось мне естественнее некуда.

Как бы то ни было, сам мистер Уайлдер неудовольствия не выразил. Вероятно, уже тогда во мне было что-то (не знаю, что именно), побуждавшее его разговаривать со мной запросто.

– Это фильм о постаревшей кинозвезде, – ответил он. – Об актрисе. По имени Федора. Никто не видел ее годами, известно лишь, что живет она на каком-то греческом острове. Затворницей. В духе Гарбо. Некий продюсер разыскивает ее,

а когда находит и остров, и виллу, где она обитает, у него никак не получается подобраться к ней поближе. Свита кинозвезды, те люди, что ее опекают, постоянно чинят ему препятствия.

- Она вроде как в заключении, да?

- Э-э... в некотором смысле.

Что означало "в духе Гарбо", я и вообразить не могла, но продолжила, и не только из вежливости:

- Звучит увлекательно. Я бы точно захотела посмотреть такой фильм.

- Правда?

- Да. Обожаю фильмы, в которых есть тайна.

Мистер Уайлдер бросил торжествующий взгляд на мистера Даймонда:

- Вот тебе пожалуйста. Мы наконец охватим молодую аудиторию.

Мистер Даймонд грустно покачал головой:

- Нам нужна выборка пошире, Билли. - Он обратился к Джилл: - А как насчет вас, вы часто ходите в кино?

- Бывает.

- И какие картины вам нравятся?

Джилл пожала плечами:

- Разные.

- Например?

Джилл наморщила нос:

- “Челюсти” – классное кино.

- О да, “Челюсти”, это потрясающе, – энергично закивала я. Мы с родителями ходили на премьеру этого фильма, когда он вышел на экраны Греции, в День подарков в семьдесят пятом, и потом я по крайней мере еще два смотрела это кино.

Выслушав наши отзывы о “Челюстях”, мистер Уайлдер протяжно вздохнул (впрочем, скорее с бесконечной терпеливостью, нежели с укором):

- Господи, картина с акулой про акулу. И когда люди прекратят судачить об этом зубастом фильме? Знаете, проклятая акула заработала в Штатах больше, чем любая другая картина в истории Голливуда. Даже Монро, даже Скарлетт О’Хара не собрали столько денег, как эта рыбина. И отныне все тупые воротилы в городе жаждут побольше фильмов с акулами. Ведь как они рассуждают, эти люди. Мы сделали миллион долларов на акуле, и теперь нам нужна новая акула. Нам нужно много акул, и чтобы они были погромней и поопасней. И тогда я придумал снять фильм под названием “Челюсти в Венеции”. По Гранд-каналу, как обычно, курсируют гондолы, битком набитые японскими туристами, и тут в канал заплывает сотня акул и нападает на них. Смеха ради я пересказал этот сюжет парню из “Юниверсал”. Он был уверен, что я всерьез делаю заявку на фильм. И моя “заявка” ему ужасно понравилась. Картина, содержание которой можно пересказать в трех словах, им ведь такое нравится, они обожают простые истории, и он решил, что “Челюсти в Венеции” – проект его мечты. “Окей, – сказал я, – прекрасно, дарю вам идею и денег с вас не возьму, но в режиссеры этой картины я не гожусь. С рыбами у меня как-то не ладится, знаете ли. Вспомните мои картины, среди них нет ни одной, где бы фигурировала крупная рыбина. Я из тех режиссеров, кто более склонен работать с человеческими существами”. Этот мистер Спилберг, он по-настоящему талантлив. Он из нового поколения, как и мистер Коппола, и мистер Скорсезе. Мистер Даймонд называет их “юнцами бородатыми”. – Билли рассмеялся, выказывая искреннее восхищение (чему позднее я не раз была свидетелем) способностью своего друга играть словами. – Я действительно думаю, что Спилберг лучший в этой команде и, следовательно, самый талантливый человек в Голливуде на данный момент. Я видел его “Шугарлендский экспресс”. Вы смотрели этот фильм? (Мы с Джилл дружно помотали головами.) Вот именно, потому что это картина о людях, а теперь никто не хочет смотреть на людей. Понятно, там есть автомобильные

погони, перестрелки и прочее в том же духе... возможно, под конец саспенса становится многовато... и все же нам рассказывают нормальную историю о людях, которые могут быть нам интересны. Но ради акулы мистер Спилберг свернул на другую дорожку, погнался за пресловутым “сделай так, чтобы зритель забыл про попкорн” – острые моменты один за другим, лишь бы вогнать публику в дрожь. Больше похоже на ярмарочный аттракцион, чем на драму, жизненную историю. Такое у меня впечатление складывается, по крайней мере.

Он умолк, когда двое официантов принесли нам горячее и мы отвлеклись на еду; вооружились столовыми приборами, пробовали наши блюда, и я зажмурилась почти в экстазе, когда вонзила зубы в первый нежный кусочек стейка и кровавый мясной сок оросил мой язык. Покосившись на мистера Даймонда, я обнаружила, что он испытывает примерно то же самое. На мгновение мы почувствовали себя счастливыми сообщниками.

– Можно сделать так, чтобы на Федору напали акулы, – как бы между прочим предложил мистер Даймонд.

Мистер Уайлдер кивнул, нарезаая картофельное соте ломтиками помельче:

– Когда она плывет на судне к своему острову? Несомненно, это сработало бы. “Челюсти в Греции”. Неплохо. Не говоря уж о том, что акулы решат нашу проблему со второй частью сценария. – Накол на вилку кусочек картошки, он обронил: – Давай обсудим это завтра утром. – Затем, откинувшись на спинку кресла, Билли оглядел ресторанный зал. И совершенно другим тоном – куда более заинтересованным – спросил своего друга: – Видел, кто только что явился?

Мистер Даймонд и головы не повернул. Чувствовалось, что другие посетители его ни капли не интересуют, сколь бы знаменитыми они ни были. Барбара, однако, проследила за взглядом мистера Уайлдера:

– Аль Пачино, нет?

– Мистер Пачино, да. И по-моему, очень красивая женщина, что сидит напротив него, темноволосая, – его девушка, и она тоже актриса. Прочих за тем столиком я не знаю.

– Подойдешь поздороваться с ним? – спросила Одри.

– Не подойду и не поздороваюсь, – ответил Билли. – По крайней мере, пока мы едим.

Мистер Даймонд, вызывающе равнодушный и к Аль Пачино, и к его спутнице, снова взялся за нас с Джилл:

– А что насчет комедии? Что вызывает у людей смех в наши дни? Вы видели какие-нибудь смешные фильмы?

Я честно попыталась вспомнить, но безрезультатно. Ведь в кино я тогда ходила нечасто. Что касается Джилл, я даже не уверена, слышала ли она вопрос. Я слегка встревожилась: лицо у моей подруги становилось все более и более страдальческим, и казалось, она вот-вот разразится слезами.

– К примеру, вам нравится “Монти Пайтон”? – дал нам подсказку мистер Даймонд.

– Признаться, я не в восторге от “Монти Пайтона”, – вставил мистер Уайлдер, не отрываясь от своей тарелки.

– Ну а “Сверкающие седла”? – допытывался мистер Даймонд. – В целом забавное кино.

Ответил ему опять мистер Уайлдер, поскольку мы с Джилл были немые как рыбы.

– Да, забавное, – согласился он. – Мне нравится мистер Брукс[14 - Мел Брукс (р. 1926) – американский актер, режиссер, сценарист, композитор и продюсер, особенно прославившийся кинопародиями и саркастическими комедиями.]. Он парень смекалистый. Очень смекалистый и с хорошим чувством юмора. Но даже у него, знаете ли... – Он повернулся к нам с Джилл, словно обращаясь к ученикам в классе: – Та сцена, в которой ковбои, сидя вокруг костра, начинают портить воздух поочередно. Это не то, что я называю тонким юмором, вы согласны со мной? Мы с мистером Даймондом никогда бы не написали подобную сцену. Мы по большей части учились у Любича. (Еще одно имя, ничего нам не говорившее[15 - Эрнст Любич (1892–1947) – уроженец Германии и американский режиссер, сценарист, актер и продюсер. Комедиями о городских нравах завоевал репутацию самого оригинального и утонченного режиссера в

Голливуде.] Не стоит раскладывать все по полочкам. Достаточно тонко намекнуть. Не надо проговаривать все до конца, пусть зритель сам делает выводы. До знакомства с мистером Даймондом я работал в паре с мистером Брэккетом, и я... мы написали для Любича сценарий под названием “Ниночка”[16 - Кроме различных лестных номинаций по выходе фильма на экран в 1939 г., в 2000 г. “Ниночка” заняла 52-е место в списке 100 самых смешных американских фильмов за 100 лет.]. Успех был огромный, невероятный успех. Потому что это была первая комедия, в которой снялась Гарбо, понимаете? И рекламщики в “Метро-Голдвин-Майер” сочинили очень хорошую фразу для продвижения фильма и рекламных плакатов: ГАРБО СМЕЕТСЯ. Всего два слова, но их оказалось достаточно, чтобы привадить зрителей. ГАРБО СМЕЕТСЯ – это их заинтриговало. Но заметьте, не ГАРБО ПЕРДИТ. Ибо тогдашние зрители привыкли к юмору более деликатному и чуть более осмысленному. Сейчас ситуация другая, и, возможно, мы с мистером Даймондом идем не в ногу со временем, но, как я уже говорил, мы пишем сценарий о постаревшей кинозвезде, очень элегантной, очень красивой, очень загадочной, поэтому у нас не будет сцены, в которой она выпрямляется в кресле, приподнимает ягодицу и портит воздух посреди диалога с другим персонажем.

- Ох, Билли! – со смехом пожурела его жена.

- Нет, ничего подобного не случится. Мы на такое не способны. – Мистер Уайлдер подлил себе красного вина из графина. – Вдобавок, наша новая картина даже не комедия. Это будет серьезная картина. Мелодрама, близкая к трагедии. Вот почему этот сценарий причиняет мистеру Даймонду столько беспокойства.

Я взглянула на мистера Даймонда, действительно ли он обеспокоен, но по нему было трудно судить. (Всегда трудно, не только в нашу первую встречу.) Вид у него был задумчивый, меланхоличный и в общем непроницаемый, разве что он откровенно наслаждался стейком.

Внезапно Джилл поднялась с кресла:

- Мне нужно в туалет.

Заявление было настолько кратким и бесцеремонным, что Одри на секунду оторопела, но быстро пришла в себя:

– В дамскую комнату? Конечно же, это там, в конце зала.

Мистер Уайлдер также встал на ноги и промокнул губы салфеткой:

– Пожалуй, мне тоже не помешает наведаться в мужскую комнату. Идемте, я провожу вас.

Они удалились вдвоем, но мистер Уайлдер не добрался до мужской комнаты. По пути он остановился у столика, за которым сидел Аль Пачино; надо полагать, он изначально направлялся именно туда и вскоре увяз в продолжительной беседе с кинозвездой. Билли нависал над Пачино, и, разговаривая, они часто смеялись, вроде бы к обоюдному удовольствию.

Минуты через две к нашему столику подошел официант. С клочком бумаги, на котором Джилл нацарапала записку, адресованную мне.

– Ваша подруга просила передать, – сказал официант.

Развернув бумажку, я прочла:

Все плохо, и это невыносимо. Сегодня вечером я уезжаю в Феникс со Стивеном. Прости, мне очень жаль.

Одри с Барбарой пристально наблюдали за тем, как расширяются мои глаза и вытягивается лицо, пока я читаю. Как она могла? Бросить меня в ресторане с четырьмя чужими людьми? Что я им скажу?

Правда виделась наиболее простым и достойным выходом из положения.

– Ей необходимо уехать, – сказала я.

Будучи дамами благовоспитанными, они и виду не подали, что мой ответ их не слишком удовлетворил.

– О боже! – воскликнула Одри. – Надеюсь, ничего серьезного.

– Она объяснила, почему уезжает? – спросила Барбара.

– Несколько дней назад она познакомилась с парнем, – ответила я. – И они безумно влюбились друг в друга. Сегодня вечером он возвращается домой. Она рванула следом за ним.

– Как невероятно дерзко и романтично, – отозвалась Одри.

– Хотя вам от этого не легче, – заметила Барбара, за что я была ей благодарна.

Вернувшийся за столик мистер Уайлдер воспринял новость об исчезновении Джилл с полнейшим спокойствием (да и жалеть ему было особо не о чем – за весь вечер они с Джилл и словом не перемолвились). Вдобавок ему не терпелось рассказать о своей встрече с Аль Пачино.

– Ну и как прошло? – сухо, как всегда, осведомился Ици.

– Мы приятно побеседовали, – уклончиво ответил Билли.

– Надеюсь, он был польщен, когда ты остановился поболтать с ним, – сказала Одри.

– Насколько он был польщен, с уверенностью сказать не могу, но обо мне и мистере Даймонде он наслышан. И с нашими картинами хорошо знаком. – Повернувшись ко мне: – Вы, конечно, знаете мистера Пачино. Видели его в “Крестном отце”?

– Не видела, – призналась я.

– Замечательная картина. Я имею в виду вторую часть, ту, что вышла недавно. Блистательный фильм, один из лучших, виденных мною. – Далее он обращался ко всем сидящим за столом, при этом своего друга из поля зрения не выпускал, отслеживая его реакцию: – Нелегко было понять, что он говорит, он жевал гамбургер и что-то мямлил с набитым ртом. Мистер Пачино и в жизни говорит так же, как и на экране, а вы не знали? Дайте ему монолог Гамлета “Быть или не быть” – и все равно не поймете ни слова. И кстати, наш ресторан не гамбургерная. Мсье Шомей – наш шеф-повар – не умеет толком готовить

гамбургеры. В меню их нет. Следовательно, Пачино пришлось сделать специальный заказ. Гляньте, сколько всего вы можете заказать здесь – буйабес, кассуле, потофе, – а он заказывает гамбургер! Его девушка извинилась за него. Сказала, что он неотесанный.

– Как ее зовут?

– Зовут ее Марта. Марта Келлер. Дама из Швейцарии. – Он недоуменно оглядел присутствующих. – Чудно, не находите? В Голливуде не так уж много швейцарцев. А швейцарских актрис и во всем мире не так уж много. Ни одной другой и припомнить не могу. Эта страна выпускает куда больше часов с кукушкой, чем актеров. – Затем, резко обернувшись ко мне: – Что стряслось с девочкой Фоли? Кто-то сказал ей, что у нас десерты невкусные?

– Нет, нет.

– Рад слышать. Потому что они очень вкусные. Давайте-ка снова заглянем в меню.

Он посмотрел по сторонам, щелкнул пальцами, и к нему подбежал официант. Я опять подумала о моем отце, милом скромном человеке за пятьдесят, который не сумел бы поймать взгляд официанта даже во спасение собственной жизни. А потом я подумала, что, наверное, это удобно, когда все вокруг столь к тебе внимательны. И ты привыкаешь к такому положению вещей, но все меняется, и утрата внимания к твоей персоне может быть очень болезненной.

– Она помчалась вдогонку за парнем, – сообщила Одри мужу, – на крыльях любви.

– Неужто? – Новость, кажется, позабавила его. – Вряд ли мистер Фоли отнесется к ее бегству с пониманием. Он человек исключительно здравомыслящий. Вероятно, она пошла в мать.

Без Джилл я начала ощущать себя незваной гостьей.

– Вы все были так добры, – сказала я, – позволив мне отужинать с вами. Но теперь, когда она уехала, мне неловко оставаться дольше. Я здесь только

потому, что Джилл меня позвала за компанию...

Они запротестовали наперебой, громко и единодушно.

- Глупости, дорогая, - сказала Одри.

- Мы и слышать об этом не хотим, - заявила Барбара.

- Давайте-ка, - Билли наполнил вином мой бокал, - прикончите его, ибо мы намерены заказать еще одну бутылку.

- Но вы даже не...

Одри накрыла ладонью мою руку, а ее взгляд заставил меня умолкнуть.

- Пожалуйста, просто расслабьтесь и развлекайтесь. Мы очень рады, что вы здесь с нами. И непременно закажите десерт, какой вам понравится, потому что вы его уже заработали.

- Я? Но как, что я такого сделала?

- Думаю, вы удивитесь, - продолжила Одри, - но сегодняшней ужин - событие из ряда вон выходящее. Билли с Ици никогда не едят вместе по вечерам. Да и с какой стати? Они каждый день проводят в обществе друг друга. С девяти утра до шести вечера всегда вдвоем. Друг с другом они остаются наедине много чаще и дольше, чем со мной и Барбарой. И они куда более преданны друг другу, чем своим женам. (Билли с Ици невозмутимо слушали Одри, изредка кивая и не оспаривая ни единого слова.) Но им обоим очень хотелось познакомиться с вами. И знаете почему?

Вопрос поставил меня в тупик.

- Все очень просто, дорогая. Потому что вы молоды. Разве вы не заметили, как они весь вечер пытались вас расколоть, выведать, что вы думаете о кино? Билли отчаянно жаждет узнать, чего современная молодежь ждет от кинематографа. Но ему решительно не с кем об этом поговорить. Так, а теперь... я искренне рекомендую шоколадный мусс, за него можно душу продать.

– Я бы не сказал, что я в отчаянии, – возразил Билли, подливая вина в мой бокал, хотя тот был почти полным, – но мне всегда любопытно узнать, что люди хотят увидеть в кинотеатре. Не могу же я просто снимать картины для полдюжины человек из Бель-Эра[17 - Бель-Эр – поселок в холмистой части Санта-Моники, облюбованный голливудскими знаменитостями и элитой индустрии развлечений.]. Или для того, чтобы получить... Золотого Бурундучка на кинофестивале в Лихтенштейне. Кино – это бизнес. Победа или поражение определяется кассовыми сборами. Все прочее... пфф! – Он посмотрел на Одри: – Ты не против, если я закурю?

– Валяй. Может, и я последую твоему примеру.

– Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, – в свою очередь обратился ко мне Ици, – но ваша подруга нас слегка подмораживала. Ну а теперь, поскольку у нас с Билли был трудный день из-за того письма от Марлен, лично я намерен напрочь забыть обо всех трудностях разом.

– Отличная мысль. – Барбара наполнила бокалы, сначала мужу, потом остальным. – Пусть вино льется рекой. И я созрела для кусочка лимонного торта. Тебе крем-брюле, полагаю?

Просияв, Ици захлопнул меню.

– Сгодится, – ответил он.

Одри с Барбарой переглянулись и залились смехом; Билли тем временем доверительно склонился ко мне, поясняя:

– Не стоит делать вывод, будто мистер Даймонд не в восторге от крем-брюле. Здешний крем-брюле лучший в Лос-Анджелесе, а то и во всей Америке. Но когда узнаешь мистера Даймонда получше, начинаешь понимать, что именно так он выражает свой восторг и одобрение. Двадцать лет мы вместе сочиняем сценарии, и “сгодится” – величайшая похвала, какую я когда-либо слышал от Ици. Я могу подбросить ему прекрасную реплику, лучше которой ни в одном фильме не было, вроде концовки “Квартиры”, когда она говорит: “Кончай трепаться, лучше сдай карты”... Ах да, вы не в курсе, потому что смотрите только фильмы про акул, но поверьте, это очень даже выдающаяся реплика, и

когда я предложил ее Ици, что он, по-вашему, сказал? “Билли, ты гений”? “С этой фразой картина обречена на успех”? Нет. Ничего подобного. Он лишь посмотрел на меня, как всегда, уныло и произнес: “Сгодится”. И так я понял, что он в восторге, хотя прямо никогда не скажет, хоть режь его. И крем-брюле он обожает, хотя ни за что не признается в этом, только будет твердить “сгодится”, и ничего иного вы от него не добьетесь.

Слушая эти речи, Одри с Барбарой переводили взгляд с Билли на Ици и обратно, глаза обеих женщин задорно поблескивали.

– Ну разве эта парочка не прелестна? – сказала Барбара. – Разве не было бы куда восхитительнее, женись они друг на друге, а не на нас? Не знаю, как ты, Одри, но я порою чувствую себя виноватой за то, что встречаю между ними.

– О да! – расхохоталась Одри. – Со мной то же самое происходит. Не подцепи я Билли за несколько лет до того, как он познакомился с Ици, не видать бы мне его никогда.

– Заметьте, мы не гомики, – предостерег меня Билли. – Но никому об этом не рассказывайте.

Я кивнула с серьезным видом, выпила еще вина, и последующие несколько минут их беседа слышалась мне как журчание воды в ручье. За столом все дымили сигаретами, кроме меня, я никогда не курила. Мне было так хорошо, как еще ни разу не было за все время моего путешествия по Америке, даже когда я лежала под солнцем рядом с Джилл на пляже в Санта-Монике. С тех пор минуло всего часа три-четыре, но, если честно, мне было абсолютно безразлично, увижусь ли я снова с Джилл после того, как она со мной поступила. Она определенно рехнулась, иначе не сбежала бы с этого ужина ради того, чтобы провести всего день или два рядом со Стивеном в Фениксе, ибо вот он, рай на земле, здесь и сейчас, – сидеть в одном из самых роскошных ресторанов в Беверли-Хиллз, в окружении красивых, талантливых, богатых, знаменитых людей, насыщаясь вкуснейшей едой. Я словно шагнула в иную вселенную, на совершенно иной уровень существования. Через два дня я опять сяду в междугородний автобус и буду семь часов, потея, ехать до Сан-Франциско, и в моем рюкзаке не отыщется никакой еды, кроме сэндвичей с плавленым сыром, но сейчас я не хотела об этом думать. Мои мысли были только об этих людях, о том, какие они элегантные и очаровательные и как они дружелюбны со мной, отчего я тоже ощущала себя элегантной и очаровательной.

Одри опять смеялась. Над чем-то, сказанным ею самой. Смех был лукавый, проказливый, и Барбара вторила ей. Речь шла об их ресторане. Как я поняла, недавно его использовали в качестве интерьера для съемок фильма и особо скандальную сцену сняли в комнате для особых гостей на верхнем этаже.

– Ей-богу, вы лишь иллюстрируете мою мысль, – сказал мистер Уайлдер полушутливым, полусерьезным тоном, к которому я начинала привыкать. – Для нас с Ици это настоящая проблема. Мы стараемся сочинить нечто изысканное, романтическое, а публика жаждет совсем иного. И вот вам пожалуйста, на десятой минуте фильма, не раньше и не позже, девушка плюхается на колени, чтобы сделать парню минет. Трудновато представить в такой роли Гарбо, Одри Хепберн либо Ингрид Бергман, не правда ли?

– Нельзя отставать от жизни, Билли, – сказала его жена.

– Поверь, я изо всех сил стараюсь не отстать. В наших фильмах уже появлялись голые титьки, дважды.

– Дважды? – усомнился Ици.

– А то, титьки в фильме о Холмсе, забыл? Медовый месяц с обнаженкой.

– Титьки вырезали.

– Да, вырезали. Всю картину изрезали. Но изначально они были.

– Титьками уже никого не удивишь, – сказала Одри.

– Разрази меня бог, если я когда-нибудь уверю в то, что женской грудью более никого не удивишь.

– В “Федоре” у вас будут титьки? – спросила Барбара.

Ици покачал головой, но Билли напомнил ему:

– Конечно, будут. В сцене, когда молодую Федору снимают в картине “Леда и лебедь”.

– Ах да... я забыл.

Я подперла ладонью лоб, голова моя отяжелела. Я чувствовала, что сейчас зевну, и ладно бы только зевну – пространство вокруг внезапно слегка накренилось. Перед глазами у меня плыло.

– Кстати, мы до сих пор не решили, как нам быть с этой сценой, – напомнил своему другу Билли.

– Освежи мою память, что нам нужно решить?

– Как он отреагирует. У нас есть паренек, юный Детвейлер, в студии он на подхвате, и когда снимают ту сцену, его обязанность прикрыть их, эти самые титьки Федоры. Прикрыть необходимо из-за цензуры. Но сперва он видит ее голой. Как он отреагирует?

– Как и любой другой паренек. Ошалевает.

– Да-а, но это скучно. Потому что ничего другого от него и не ждут.

Зевок не унимался. Раздвинув уголки моего рта, он медленно распространялся по челюсти, я попыталась сдержать его, но позыв был сильнее меня.

– Ну не знаю... – размышлял Ици вслух. – Наверное, было бы любопытно, если бы его реакция оказалась прямо противоположной той, что обычно выдают юнцы.

– И какой именно? – спросил Билли.

Последовала долгая пауза, а потом Одри указала на меня:

– Как у нее.

Я пребывала посредине широченного и невероятно продолжительного зевка. Рот я старалась прикрыть ладонью, но, заметив, что все уставились на меня, зачем-то отняла руку – вероятно, с намерением закрыть рот, но он не закрывался. Зевок длился и длился, пространство вокруг меня колыхалось, а лица мистера и миссис Уайлдер и мистера и миссис Даймонд виделись очень расплывчато.

– Точно! – раздался торжествующий возглас мистера Уайлдера.

– Точно что? – спросил мистер Даймонд.

– Он зевает. Смотрит на самую красивую женщину на свете, что лежит голышом прямо у него под носом, и зевает. Потому что он не выспался. Такая реакция для нее новость. Ничего подобного с Федорой прежде не случалось. И тогда у нее возникает желание переспать с ним.

В ожидании ответа Билли не сводил глаз со своего напарника-сценариста. Мистер Даймонд, откинувшись на спинку кресла, смотрел куда-то вдаль, обдумывая услышанное.

Наконец он кивнул очень медленно и произнес так же очень медленно:

– Ага. Это должно сработать. Определенно сработает.

Билли вынул из коробки маленькую сигарку и закурил. Продолжать разговор он не стал, но думаю, все поняли, что он разочарован. От мистера Даймонда он ожидал услышать “сгодится”, но не дождался.

* * *

Что до меня, я не отключилась, ну разве что чуть-чуть. В сознании я пребывала до конца. Но совершенно не помню, как я оказалась в квартире Уайлдеров. Должно быть, они пожалели меня, сообразив, что до хостела мне самостоятельно не добраться. Видимо, погрузили свою “гостью” в такси, затем в лифт, но ничего из этого я не помню. А на следующее утро я очнулась в гостиной Уайлдеров, где хозяйничало калифорнийское солнце, слегка утихомиренное полуопущенными жалюзи. Ночь я провела на кушетке, недостаточно просторной для распластанного человеческого тела, и спина моя болела адски, голова

раскалывалась, а веки не желали подниматься.

В соседней комнате раздался шум. Решив, что это Одри, я собрала волю в кулак, поднялась и побрела к двери. Однако за дверью я обнаружила не Одри, но женщину средних лет в униформе прислуги, протиравшую всяческие кухонные приспособления.

– Доброе утро, – поздоровалась она. – Вы, должно быть, та самая гречанка.

Я кивнула и спросила:

– А где Одри? И Билли?

– Мистер Уайлдер в конторе у себя, они там работают с мистером Даймондом. Миссис Уайлдер отправилась на прием к глазнику. Она велела накормить вас завтраком, и если вы подождете немного в той комнате, я быстренько чего-нибудь сготовлю.

Прожамлив “спасибо”, я вернулась в гостиную, где стоял обеденный стол из темного дуба. Квартира казалась небольшой, но только потому, что была переполнена вещами. Стены, все до единой, увешаны картинами – современной живописью в основном, множество работ абстракционистов и множество ню. Лишь много лет спустя я поняла, что мистер Уайлдер был вдумчивым коллекционером произведений искусства, одним из наиболее уважаемых в Соединенных Штатах, и что изрядное число картин на стенах были оригиналами Шиле, Климта и Пикассо. Книг здесь тоже было несметное количество (на разных языках), и граммофонных пластинок (классическая музыка и джаз), и несколько статуэток “Оскар”.

Прислуга вернулась с кофе, булочками, разными джемами и апельсиновым соком на серебряном подносе. Налила мне крепкого черного кофе, за что я поблагодарила ее, прежде чем выпить жадно этот целебный напиток. Когда я села за обеденный стол, она подала мне книгу. Называлась книга “Коронованные головы”, автор Томас Трайон – имя, абсолютно мне незнакомое.

– В книгу вложена записка вам от мистера Уайлдера, – сказала прислуга и деликатно удалилась.

Я вынула записку: плотная кремовая бумага, наверху имя БИЛЛИ УАЙЛДЕР четкими заглавными буквами, внизу адрес, напечатанный на машинке, без телефонного номера. Я решила, что это адрес квартиры, куда меня поместили заботливые хозяева, но я ошиблась.

В записке говорилось:

Возможно, Вы не помните, но вчера вечером Вы решили нашу проблему со сценарием. Именно эту книжицу мы с мистером Даймондом пытаемся адаптировать для кино. Одалживаю Вам мой экземпляр на тот случай, если у Вас найдется время на чтение и Вас осенят новые гениальные идеи.

С наилучшими пожеланиями,

Билли.

P. S. Пейте побольше кофе и принимайте аспирин горстями.

Книга состояла из четырех повестей, и на странице с оглавлением мистер Уайлдер обвел кружочком первое название: "Федора". Страницы повести изобиловали пометками. Я выпила еще кофе и, запихнув в рот полкруассана, начала читать.

Читала я примерно с полчаса, а затем выразительный взгляд прислуги дал мне понять, что пора освободить помещение. Книгу я забрала с собой.

* * *

Я думала, что никогда не прощу Джилл за то, что она бросила меня вот так, отшвырнула даже, но в общем простила. Спустя несколько месяцев она написала мне в Афины, известив о помолвке со Стивеном, а спустя несколько лет сообщила, что они поженились, из чего я сделала вывод, что их курортный роман не был пустым увлечением. Потом мы обменивались рождественскими открытками, и хотя в 1980-е я переехала в Лондон и мы клялись друг другу, что непременно встретимся и поужинаем вместе, мы так ни разу и не встретились, и

в конце концов рождественские открытки иссякли, и мы потеряли друг друга из вида. Жаль. Правда жаль. Пока я настукивала воспоминания о Лос-Анджелесе, во мне крепло желание вновь отыскать Джилл, что в наше время сделать нетрудно. Любопытно, до сих пор ли они вместе со Стивеном? У них родились две дочери, если я ничего не путаю.

В Лос-Анджелесе я провела еще два дня – в одиночестве. Как и полагается, посетила Большой Центральный рынок, побродила по музеям, и ничто меня не затронуло. Но с каким же наслаждением я, доехав на автобусе до Малибу, разлеглась на пляже и принялась читать “Коронованные головы”, одолженные мне мистером Уайлдером. И разумеется, книгу необходимо было вернуть.

По совести говоря, я не нашла “Федору” такой уж потрясающей историей. Стиль автора порою раздражал цветистостью, а главная героиня – загадочная состарившаяся кинозвезда – казалась неубедительной. Со мной всегда так: я недоверчива, когда писатель создает на бумаге вымышленный образ великой знаменитости, ведь, по определению, знаменитость – некто, чье имя известно всем, а если не всем, но только автору, то какая же это знаменитость, и, наверное, по этой причине повествование, не успев начаться, тонет в нарочитости и фальши. Но вряд ли стоило делиться подобными соображениями с мистером Уайлдером. Тем более что, закончив читать, я не сумела придумать ничего, что могло бы помочь ему в работе над картиной. Вдобавок я понятия не имела, как книгу превращают в фильм.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Фильм (1973) британского режиссера Николаса Роуга с Доналдом Сазерлендом и Джули Кристи в главных ролях, классика кинематографа. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Фильм (1983, реж. Билл Форсайт) занимает 37-ю строчку в Топ-100 британских фильмов. Берт Ланкастер сыграл роль невротического главы нефтяной компании.

3

Имеется в виду выдающаяся британская актриса Джуди Денч, удостоенная ордена Британской империи, вручаемого за гражданские заслуги и соответствующего титулу Дамы-Командора.

4

Британская сеть кофеен с итальянским названием, означающим в переводе “Черный кофе”.

5

“Ужин с убийством” (1976, реж. Роберт Мур) пользовался огромной популярностью; в фильме снимались Питер Фальк и Мэгги Смит, одну из ролей сыграл Труман Капоте.

6

“Частная жизнь Шерлока Холмса” (1970), фильм одновременно был номинирован на премию им. Эдгара Аллана По в категории “Лучший фильм” и на премию Гильдии сценаристов США в категории “Лучшая оригинальная комедия”.

7

Французский “конец века”, наступивший в 1880-х, иногда именуют декадансом. Для этого периода были характерны эстетство, обостренное восприятие реальности, пессимизм и свобода нравов.

8

“Нежная Ирма” (1963) – фильм Билли Уайлдера о проститутке с добрым сердцем и честном полицейском, в итоге взявшем ее в жены.

9

Фильм, выпущенный на экраны в 1959 г., удостоился “Оскара” и трех “Золотых глобусов”, а кроме того, Институт киноискусства США провозгласил “Девушек” лучшей американской комедией всех времен.

10

Приятного аппетита (фр.).

11

Фэрфакс – калифорнийский городок в 400 милях от Лос-Анджелеса; Восточный Голливуд – окраинный район Лос-Анджелеса.

12

“Квартира” (1960) собрала множество премий, среди них пять “Оскаров”, три “Золотых глобуса”, три премии Британской киноакадемии, кубок Вольпи на Венецианском кинофестивале.

13

Простушка (фр.).

14

Мел Брукс (р. 1926) – американский актер, режиссер, сценарист, композитор и продюсер, особенно прославившийся кинопародиями и саркастическими комедиями.

15

Эрнст Любич (1892–1947) – уроженец Германии и американский режиссер, сценарист, актер и продюсер. Комедиями о городских нравах завоевал репутацию самого оригинального и утонченного режиссера в Голливуде.

16

Кроме различных лестных номинаций по выходе фильма на экран в 1939 г., в 2000 г. “Ниночка” заняла 52-е место в списке 100 самых смешных американских фильмов за 100 лет.

17

Бель-Эр – поселок в холмистой части Санта-Моники, облюбованный голливудскими знаменитостями и элитой индустрии развлечений.

Купить: <https://telnovel.com/dzhonatan-kou/mister-uaylder-i-ya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)